

© 2001 г. А.К. МАТВЕЕВ

**МЕРЯНСКАЯ ПРОБЛЕМА И ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ
КАРТОГРАФИРОВАНИЕ***

В дискуссии о топонимии мери, затрагивающей и происхождение субстратных названий Русского Севера (РС), поднимаются все новые вопросы, решение которых во многом будет зависеть от определенности позиций, качества материалов и адекватности методов. Но уже ясно, что сердцевина спора – отделение мерянской топонимии от немерянской, т.е. идентификация мерянских формантов и типовых основ. Успешное изучение топонимических реликтов на территории исторических мерянских земель (ИМЗ) полностью зависит от решения этой проблемы. Только выявление и интерпретация мерянских формантов и типовых основ создаст базу для надежной этимологизации всего массива предположительно мерянских топонимов. Само собой разумеется, что таким путем будет приобретен и эталон для поиска мерянских элементов на РС (ср. [Матвеев 1966: 4–5]). Короче говоря, необходимо установить некий минимум исходных данных, который получил бы своего рода "консенсус" и стал точкой отсчета для дальнейших исследований.

В статьях А. Альквист [Альквист 1997; 2000а; 2000б], опубликованных в "Вопросах языкознания", приводится обильный материал, но при анализе субстратных названий даже очень многочисленные факты не обладают доказательной силой, если они не верифицированы должным образом и не образуют систему или какой-либо ее фрагмент. Поэтому изучение топонимии должно основываться на объективных методиках, иначе можно получить искаженную или даже вообще ложную картину. Одной из таких объективных методик, как хорошо известно, является картографирование формантов и основ географических названий с последующим анализом ареалов. В статьях А. Альквист топонимические карты отсутствуют¹, а простое перечисление множества разнородных фактов иногда не столько проясняет, сколько усложняет общую картину. Между тем топонимическая карта наглядна и нередко может положить конец спору.

Картографирование топонимии ИМЗ позволило получить новые доказательства принадлежности ряда формантов и основ мерянскому языку. Эта статья посвящена результатам картографирования лимнонимов: во-первых, субстратных названий озер на территории ИМЗ не так много, что позволяет уже сейчас прийти к определенным выводам, которые облегчат изучение наиболее значительного класса топонимов – многоформенной, разновременной и гетерогенной гидронимии, во-вторых, в связи с тем, что предпринята попытка выделить субсубстратные домерянские лимнонимы [Альквист 1997:34; 2000а: 20, 23, 30]. Опыт стратификации топонимии ИМЗ естественно привлекает большое внимание, так как существование субсубстрата в лимнонимии предполагает субсубстрат и в гидронимии. Поэтому вопрос о происхождении лимнонимов ИМЗ становится принципиально важным: его решение открыло бы новые перспективы.

* Исследование проводится при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант 00–15–98836 – поддержка ведущих научных школ).

¹ К ним, разумеется, не относится "Карта реконструкции береговой линии оз. Неро" В.А. Низовцева [Альквист 2000а: 19].

По мнению А. Альквист [Альквист 2000а: 18–26], для названий озер ИМЗ характерны два основных термина – субстратный, засвидетельствованный в основе *яxp* и форманте (*V*)*xp(V)* и субсубстратный, представленный в форманте *Vp(V)*. Географические названия с этими терминами и обсуждаются в нашей статье. На территории ИМЗ распространены также лимнонимы с формантами *кор*, *кур*, *кура* и т.п., но они не будут рассматриваться, поскольку функционируют и как названия рек. Для сопоставления с лимнонимами привлекаются некоторые другие субстратные топонимические типы и, кроме того, такой лингвоэтнический индикатор летописной мери, как русские этнотопонимы, образованные от названия этого племени.

1. РУССКИЕ ЭТНОТОПОНИМЫ, ПРОИЗВОДНЫЕ ОТ *МЕРЯ*

Со времен первых исследователей мерянской проблемы А.С. Уварова и Д.А. Корсакова этнотопонимы, образованные от слова *меря*, используются археологами, историками и лингвистами для определения границ расселения этого летописного племени. Особенно часто *Мерские станы* можно видеть на археологических картах. Таким образом, эта методика для установления мерянского лингвоэтнического ареала применяется уже давно, но сколько-нибудь полная карта этнотопонимов, производных от *меря*, насколько известно, не была составлена. На карте 1 воспроизведены все выявленные названия этого типа.

Фактически подобных наименований много больше. Но, во-первых, не учитывались многочисленные названия типа *Мериново*, хотя при *Чудь* > *Чудин* > *Чудинов* > *Чудиново*, казалось бы, можно ожидать и *Меря* > *Мерин* > *Меринов* > *Мериново*. Однако совпадение с русским *мерин*, широко распространенным в топонимии, исключает возможность использования таких названий в лингвоэтнической диагностике, ср. показательный пример – болото *Мериново* в Нейском районе Костромской области с параллельными наименованиями *Мериньё* и *Кобылье*. Кроме того, от *меря* явно образовывались этноантропонимы *Мерец*, *Мерич*, *Мерько*. Во-вторых, непродуктивно использовать и несомненные этноантропонимы (*Мерько*, *Мерецков* и т.п.), а также производные от них этноантропотопонимы (ручей *Мерьков*, луг *Меричевых* *Чища* и т.п.): они могут принадлежать мигрантам. Все эти названия – источник ценной информации, но их картографирование может исказить действительный ареал. Поэтому они тоже не учитывались.

Таким образом, картографировались только этнотопонимы, омонимичные с этнонимом (*Меря*, уменьшительное *Мерка*), и относительные прилагательные в субстантивированной форме (*Мерская*) или в сочетаниях с географическим термином (*Мерский стан*, *Мерское болото*). Примерно так же, безотносительно к вопросам картографирования, рассматривает эти названия и А.И. Попов [Попов 1974: 15].

В соответствии с установленными критериями в ИМЗ было выявлено 16 этнотопонимов, образованных непосредственно от этнонима *меря*, т.е. достаточно надежных с точки зрения лингвоэтнической идентификации, и обладающих точной или относительно точной географической привязкой. Кроме того, на карте отмечены места обитания мери по летописи (у озер Неро и Клещино). Картографирование показало, что по данным этнотопонимии меря в период контактов с русским населением, занимала южную часть современной Ярославской области, запад Владимирской, северо-восточную половину Московской, крайний юго-восток Тверской, небольшую заволжскую часть Ивановской и запад Костромской вплоть до бассейна Унжи.

Разумеется, действительная картина была несколько иной. Этнотопонимы сохраняются обычно в зонах маргинального или внутрорегионального контакта между пришельцами и аборигенами в местах более или менее длительного процесса ассимиляции. Но этнотопонимы могут и не возникнуть, несмотря на этноязыковой контакт. Фактически мерянский ареал был несколько больше. Так, он несомненно охватывал северную часть Ярославской области в бассейне Шексны (Пошехонье). Вместе с тем

языке заимствования как непроемкие основы и начинают там новую жизнь. Частотность того или иного способа топонимобразования в языке-источнике обуславливается как продуктивностью топонимических моделей, так и географическими факторами, но в языке-реципиенте она уже зависит и от особенностей освоения, а также степени сохранности субстратной топонимии. Всем этим и объясняются различия в представленности того или иного типа субстратных названий на определенной территории и возникновение лагун, иногда обширных. Сказанное в полной мере относится и к топонимии ИМЗ.

В северной части Волго-Окского междуречья и в Костромском крае озер сравнительно мало, и они не образуют таких скоплений, как старичные озера бассейна Клязьмы. Именно поэтому там не было условий для сохранения лимнонимов с озерным формантом. В то же время на этой обширной территории довольно много названий с основой *яхр*, которую в свое время выявил М. Фасмер, сравнивая топонимы *Яхробол*, *Яхра*, *Яхренга*, *Яхрянка*, *Яхрома* [Vasmer 1935: 585]. Впоследствии названия ИМЗ и РС с основами *яхр*, *ягр*, *явр* были сопоставлены с фин. *järvi*, саам. *jav'ne*, марийск. *jär*, *jer*, морд. *e'ke* "озеро", причем эта этимология была подтверждена сравнением с реалиями [Попов 1948: 173; 1965: 118–119; 1974:18; Матвеев 1965б], а топонимы с основой *яхр*, характерные для ИМЗ, стали рассматриваться как мерянские [Попов 1974: 18; Седов 1974: 32]. К этой точке зрения присоединился и О.Б. Ткаченко [Ткаченко 1985: 181].

А. Альквист считает, что названия с основами *яхр*, *ягр* "можно действительно с большей вероятностью связывать с имеющимся теперь или в мерянское время озером" [Альквист 2000а: 24], но нигде не говорит о том, что эти названия мерянские (см. [Альквист 1997: 29–30; 2000а: 24–25]). Альквист приводит топонимы *Яхробол*, *Яхрома* (4 названия), *Яхромино*, а также *Ягренево* [Альквист 2000а: 24–25]. В другой работе упомянуты еще *Яхрово* и *Ягорба* [Альквист 2000а: 29].

Следует, однако, различать названия с основами *яхр* и *ягр*. Основа *яхр* характерна для топонимии ИМЗ, а *ягр* для РС (*Ягрема*, *Ягрова*, *Ягрыши* и др.). Колебания *яхр* ~ *ягр* в ИМЗ (*Яхрома* ~ **Ягрома*) и *ягр* ~ *яхр* на РС (*Ягрема* ~ **Яхрема*) не засвидетельствованы. Исключения объяснимы: *Ягорба* относится к северной части Пошехонья, смежной с РС, а многочисленные гидронимы *Яхреньга* (9 названий) на юго-востоке РС восходят к **Ягреньга*. Они возникли в результате диссимиляции заднеязычных смычных. Это подтверждается тем, что в зоне, где распространены гидронимы *Яхреньга*, зафиксировано 10 речек и ручьев с названием *Ягрыши*, которому соответствует саам. *javrysh* "озерко" [Попов 1948: 173].

Что касается наименования населенного пункта *Ягренево* близ Переславля-Залеского, то оно образовано от фамилии *Ягренев*, засвидетельствованной в документе XV в., относящемся к Переславскому уезду [Акты 1952: 70]. Отантропонимическое или отантропотопонимическое происхождение этого ойконима подтверждается и названием деревни *Ягренево* Бежецкого уезда, зафиксированном также в документах XV в. [Акты 1952: 111, 268, 446]. Деревня *Ягренево* близ города Бежецка (Тверская область) существует и в настоящее время. Трудно сказать, связаны ли эти ойконимы с основой *ягр*, но к озерным названиям с основой *яхр* они не имеют отношения.

Среди топонимов с основой *яхр*, засвидетельствованных в ИМЗ, также не все следует картографировать. Наименование пустоши *Яхрово*, в 1627–1628 гг. относившейся к сельцу Никольскому Шуромского стана [Смирнов 1929: 89], локализуется достаточно точно, так как известно местонахождение населенных пунктов Шурма и Никольское в Московской области. Однако посессивная форма названия и отсутствие адекватных сведений об объекте (пустошь!) делают проблематичной целесообразность его картографирования. Но поскольку пустошь *Яхрово* находилась в непосредственной близости от реки *Яхрома*, можно не учитывать этот топоним без ущерба для точности ареала. Другой случай – деревня *Яхромино* Калязинского района Тверской области на берегу реки Жабня. А. Альквист приводит это название, подчеркивая, что рядом с

деревней есть болото, которое "во время весеннего паводка превращается в озеро" [Альквист 2000а: 24]. Населенный пункт точно локализован, но посессиивная форма и ненадежность сведений о водном объекте наводят на мысль о том, что в основе названия оттопонимический антропоним – фамилия *Яхромин*. Эту фамилию и обнаруживаем в документе начала XVI в., относящемся к Жабенской волости Кашинского уезда, где упомянут крестьянин Якуш *Яхромин* [Акты 1964: 182]. Естественно, что вторичное название картографировать нецелесообразно.

К названиям с основами *яхр* и *ягр*, А. Альквист считает возможным присоединить и ряд топонимов ИМЗ с деформированным анлаутом. Это побуждает нас остановиться на некоторых вопросах типологии фонетического освоения субстратных названий. Как полагает Альквист, *яхр*, *ягр* может трансформироваться в *хр*, *кр*, *гр*, *др*, а также в *хар* в результате метатезы [Альквист 2000а: 24–26]. Следует различать три случая предполагаемой эволюции.

1. **Отпадение анлаута я (ja)**. В мерянском языке, как и во многих других финно-угорских языках, а также в финно-угорском праязыке предполагается ударение на первом слоге [Ткаченко 1985: 60]. Субстратная топонимия ИМЗ и РС за редкими исключениями это подтверждает. Поэтому при ударе на первом слоге, т.е. в сильной позиции, и высокой информативной нагрузке на анлаут, особенно в заимствованных словах с неясной внутренней формой, утрата первого слога типа CV маловероятна. В полевых записях не встречаются фиксации типа **Хреньга* (< *Яхреньга*), **Грыш* (< *Ягрыш*) на РС, **Хрома* (< *Яхрома*), **Хромша* (< *Яхромша*) – на территории ИМЗ. Приведенная А. Альквист с ссылкой на М.И. Смирнова [Смирнов 1929: 80] упрощенная форма названия пустоши *Хрово* [Альквист 1997: 29], извлеченная из актов генерального межевания, является обычной для такого рода документов опиской или ошибкой (ср. выше о пустоши *Яхрово*, название которой также обнаруженное Смирновым [Смирнов 1929: 89], возможно, послужило источником для *Хрово*). Что касается варианта *Греново* [Альквист 2000а: 25], указанного тем же Смирновым для переславского ойконима *Ягреново* [Смирнов 1911: 222], то надо иметь в виду, что основной формой этого названия вплоть до настоящего времени была именно *Ягреново*, которая и фигурирует во всех источниках, и поэтому вариант *Греново* (ожидалось бы, конечно, **Грениво*), если он действительно существует или существовал, скорее всего окказионализм, связанный с четырехсложностью слова, переносом ударения, а может быть и некоторой неустойчивостью основы *ягр*, поскольку она уникальна на фоне названий с основой *яхр* (подробнее см. выше).

Таким образом, многочисленные названия типа *Хреново*, *Хрениха* и т.п. [Альквист 2000а: 24] не могут иметь отношения к основе *яхр* и являются чисто русскими топонимами². Сказанное относится также и к названию болота *Грашнево* [Альквист 2000а: 25], в основе которого гипокористика *Граша*, производная от русского личного имени *Евграф* [СРЛИ 1995: 150], где появление *н* связано с контаминацией суффикса *-ин* с более распространенным *-ев* (**Грашино* > *Грашнево*).

2. **Преобразование согласного х (z)**. В ряде случаев, по мнению А. Альквист,

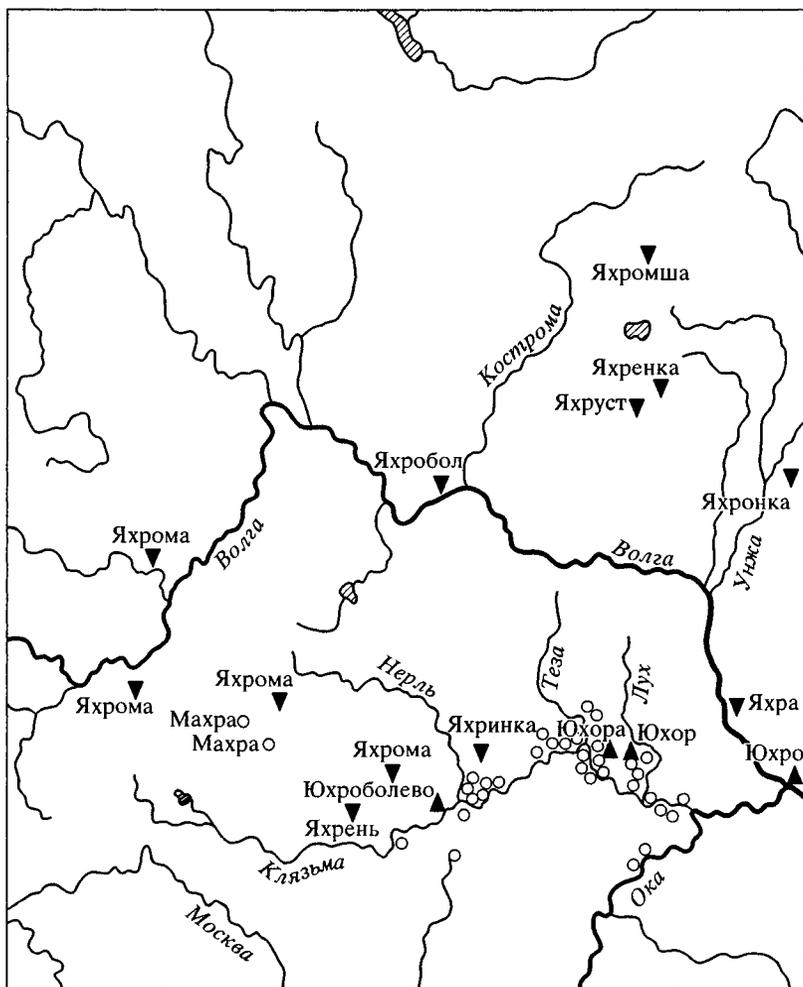
² Убедить в том, что названия озера *Хреново* и леса *Хрениха* происходят от субстратной основы *яхр* "озеро" [Альквист 2000а: 24], а наименования болота *Сафроново* и озера *Софроново* содержат озерный суффикс *-хр* (> *-фр*) [Альквист 2000а: 26], не могут ни оговорки ("Подобные названия должны были подвергаться народной этимологии и трудно доказать, что их основа не восходит к слову *хрен*. Подобных топонимов в Средней России – десятки, но в каждом отдельном случае основа наименования должна изучаться отдельно" [Альквист 2000а: 24]), ни категоричность ("Имя греческого происхождения *Софрон* и произведенные от него фамилии ... могли тут иметь только народно-этимологическое влияние" [Альквист 2000а: 26]). На фоне множества чисто русских фактов подобные интерпретации могут убеждать лишь в тех случаях, когда в исторических памятниках засвидетельствованы соответствующие субстратные названия. Их А. Альквист не приводит.

наблюдается изменение согласного $x(z)$ в k , иногда в сочетании с отпадением начального слога. Такая концентрация изменений еще менее вероятна, чем афтерезис анлаута. Сколько-нибудь убедительное обоснование этого перехода отсутствует. Утверждение, что замена x на k – обычное явление в местных диалектах [Альквист 1997: 29] ничего не дает, поскольку в топонимии ИМЗ отсутствуют образования от основы * $якр$ (< $яxr$) типа * $Якра$, * $Якрома$ и т.п. Неудивительно, что топонимы с группой kr в анлауте находят объяснение в русском языке. Так, название ярославской деревни *Кренево* [Альквист 2000а: 25] образовано не от основы * $якр$ (< $яxr$, $ягр$), т.е. от * $Якренево$, а от распространенной русской фамилии *Кренев* < прозвище *Крень* < диалектное *крень* "кремень", "плотные слои древесины", "упрямый человек" [СРНГ, 15: 214]. Фамилия *Кренев* часто встречается в русских памятниках XV–XVI вв. [Веселовский 1974: 164; Акты 1964: 430, 433, 445]. Антропотопонимы, производные от этой фамилии (или прозвища), широко распространены: деревня *Кренево* есть в Ивановской, Костромской, Вологодской областях, ручей *Кренев* в Вытегорском районе Вологодской области, луг *Кренево* в Галичском районе Костромской и т.п. Фамилия *Кренев* засвидетельствована и в местах, смежных с Некрасовским районом Ярославской области, где находится деревня *Кренево*. В частности, Никифор *Кренев* упомянут в документе, который относится к Нерехотской волости Костромского уезда [Акты 1952: 106].

Переход gr (не $xr!$) > dr теоретически возможен, но в связи с отсутствием исторических свидетельств, нельзя соотносить с $яxr$, $ягр$ и название болота *Ядрениха*, а также леса *Ядрово* [Альквист 2000а: 24]. И здесь в основе топонимов русский корень $ядр$, ср. фамилии *Ядров*, *Ядрёнкин*, *Ядрышев* и прилагательные *ядрёный*, *ядровый*, *ядровитый*, *ядрышный* [СФ 1997: 487]. Ойконимы *Ядрово* есть в Ярославской, Московской, Нижегородской и Вологодской областях, две деревни с названием *Ядриха* – в Архангельской, ручей *Ядровка* – в Усть-Кубинском районе Вологодской и т.п.

3. **Метатеза**, которой предшествует отпадение начального j , т.е. (j) axr > xar [Альквист 1997: 29; 2000а: 26]. Таким образом, и в этом случае предполагается два этапа освоения. Отвечая на нашу реплику [Матвеев 1998: 94], что в основе названия *Харило* русский антропоним [Веселовский 1974: 337], А. Альквист, пытаясь доказать финно-угорское происхождение этого наименования, утверждает, что фамилия *Харилов* наряду с *Белозерцев*, *Ухтомский* и т.п. оттопонимического происхождения (от местности *Харило*) [Альквист 2000а: 26]. Однако апелляция к оттопонимическим фамилиям только отвлекает от решения коренного вопроса, можно ли считать эволюцию * $Яхрила$ > * $Харила$ > *Харило* > *Харилов* корректной с фонетической стороны, а название финно-угорским по происхождению при отсутствии аргументов, указывающих на возможность этого фонетического перехода, а также каких-либо исторических сведений о такой эволюции и наличии $массого$ русского по происхождению топонимического материала, имеющего самое непосредственное отношение к антропониму *Харило*: *Харило*, покос, *Харилка*, пустошь, *Харилово*, пустошь [Смирнов 1929: 79], деревни *Харилово* в Ярославской области (близ Углича), Ивановской и Костромской, *Харилова* и *Хариловская* – в Архангельской. Предполагать параллельную весьма замысловатую фонетическую эволюцию во всех этих названиях невозможно даже при самом смелом воображении. На самом деле здесь антропонимическое образование *Харитон* > *Харило*, аналогичное *Иван* > *Иванило* [Унбегаун 1989: 54], а на местности – обычные русские антропотопонимы.

В еще большей степени сказанное относится к названию ярославской деревни *Харино* [Альквист 2000а: 25]. *Харин* – очень распространенная русская фамилия, образованная от гипокористики *Харя* < *Харитон* [Никонов 1993: 151; Федосюк 1996: 236], упомянутая в памятниках XV в. [Акты 1952: 248; Акты 1964: 121], относящихся к Переславскому и Владимирскому уездам. В топонимии соответствующие отантро-

Карта 2. Топонимические основы и форманты со значением “озеро”.

- ▼ Топонимы с основой *яхр*.
- Лимнонимы с формантом *(V)хр(V)*.
- ▲ Лимнонимы с основой *юхр*.

понимические названия встречаются повсеместно: в Ивановской области две деревни *Харино*, в Костромской – две деревни *Харино* и *Харинская*, в Вологодской – четыре деревни *Харино*, а также *Харина Гора* и т.п. Наименование *Харино(а)* служит и для обозначения полей, лугов, ручьев, лесов, болот, озер, островов и т.п. [ТЭ УрГУ].

Таким образом, А. Альквист, постулируя фонетические преобразования, которые изменяют звуковой облик основы *яхр* (*ягр*), не учитывает типологию фонетической адаптации субстратных топонимов финно-угорского происхождения, данные памятников истории русского языка, в которых не засвидетельствованы случаи переработки *яхр*, *ягр* в *хр*, *кр*, *ядр*, *хар*, а также русский ономастикон. В фонетически близких субстратных топонимах РС с основой *ягр* тоже не зафиксированы факты трансформаций, которые предполагает Альквист. В русском языке консонантные группы *хр*, *гр* создают произносительные трудности только в позиции ауслота (см. 3). Поэтому в анлауте топонимов с основой *яхр* не происходит та фонетическая переработка,

которая возможна в конце слова. Приведенные в статьях Альквист названия представляют собой не переработанные в русской среде субстратные реликты, а неопознанные исследователем русские собственные имена.

На территории ИМЗ до настоящего времени выявлено 12 субстратных топонимов с основой *яxр*: *Яхра*, *Яхренка*, *Яхрень*, *Яхринка*, *Яхробол*, *Яхрома* (4 названия), *Яхромша*, *Яхронка*, *Яхруст* (см. карту 2). За исключением ойконима *Яхробол* (> озеро *Яхробольское*) с прозрачной семантикой "Озерное селение" (*бол* – "селение"), все эти названия обозначают реки. В восьми случаях установлено, что в бассейне реки есть озеро, в одном (*Яхрома*) несомненен факт существования озера в прошлом [Попов 1974: 18], в двух – данных пока нет. Но и этих сведений достаточно для того, чтобы видеть в основе *яxр* обозначение озера. Основа *яxр* устойчива: редкие варианты (*Яхрама*, *Яхарма*, *Яхорма*) [Альквист 1997: 29] либо фиксируют "акающее" произношение, либо окказиональны. Показательны и словообразовательные приметы: форманты *Vma* (*Яхрома*, ср. *Ягрема* на РС) и *Vнь* восходят к древним финно-угорским суффиксам прилагательных **Vm* и **n* [Lehtisalo 1936: 86–91, 136–138; Серебренников 1963: 169; Галкин 1966: 64–66]. Эти же суффиксы в других названиях могли повлиять на форму русского слова (*Яхренка*, *Яхринка*, *Яхронка*). Формант *Vмша* скорее всего восходит к сочетанию отыменного суффикса прилагательных с уменьшительным [Попов 1974: 26]³. Наиболее загадочен формант *уст* (*Яхруст*), в котором, однако, можно видеть разновидность "речного суффикса" *Vхта*, *Vгда*, по мнению А. Альквист, мерянского [Альквист 2000а: 30–31; 2000б: 83, 86]. Таким образом, большинство суффиксальных образований от основы *яxр* вполне вписывается в предполагаемые формальные характеристики мерянского языка как одного из финских языков (волжско-финского или близкого к ним), а основа может быть реконструирована в виде **jaxr* или **jäxr*.

Ареал основы *яxр* соответствует ареалу этнопонимов, производных от *меря*, образуя аналогичный пробел в юго-восточной части ИМЗ (см. карты 1 и 2). Поскольку нет исторических сведений о каком-либо народе, кроме мери, который проживал бы в период русского освоения этой территории в пределах зоны *яxр* и ареала этнопонимов, образованных от *меря*, нет другой этнопонимии с подобной зоной распространения, а также нет никаких данных о каком-либо другом субстратном озерном термине с таким же ареалом, есть все основания считать реконструированный термин **jaxr* (**jäxr*) мерянским.

3. НАЗВАНИЯ ОЗЕР С ФОРМАНТОМ (V)*xp*(V).

На РС распространены как речные названия с основой *ягр*, так и лимнонимы с формантом *VgrV* (*Оногра*, *Суегра*), а в двинских грамотах XV в. упомянуто озеро *Рушеягръ*. Этот лимноним особенно интересен, так как сохраняет консонантный ауслат языка-источника. В ИМЗ, где фиксируется основа *яxр*, формант соответственно имеет вид *VxpV*, а названий на *VgrV* не должно быть. Так оно и есть на самом деле, поскольку *Лепчегра*, а это единственный топоним на *VgrV*, который приводится Альквист [Альквист 2000а: 25], находится далеко за пределами ИМЗ в Пензенской области и его происхождение неизвестно. Нет форманта *VgrV* и в названии болота *Семиградовское* Переславского района Ярославской области [Альквист 2000а: 25]. Это русское название из ряда очень часто встречающихся онома, образованных по модели числительное *семь* + существительное, ср. фамилии *Семибратов*, *Семидевкин* и т.п. [Никонов 1993: 113–114], ойконимы *Семигоры*, *Семидворы*, *Семидеревеницина*, название поля *Семигородский Волок* (Харовский район Вологодской области), а М.И. Смирнов

³ Ср. в костромской гидронимии: р. Нея – р. Нельша (приток Нея) [Попов 1974: 26], р. Тома и рядом менее значительная р. Томша (притоки р. Мера) [ТЭ УрГУ].

упоминает деревню бывшей Загорской волости Переславского уезда *Семиградово* [Смирнов 1929: 120]. С ней и связано название болота *Семиградовское*.

Названия с формантом $(V)xp(V)^4$ в ИМЗ представлены достаточно широко, но почти все сосредоточены на юго-востоке региона, где засвидетельствовано 32 таких наименования (фактически их, конечно, больше): 16 сложных (*Вихра*, *Махра*), 15 трехсложных (*Вочехро*, *Пузехра*) и одно четырехсложное (*Кочехоро*). Все это исключительно названия озер, т.е. собственно лимнонимы, среди которых отсутствуют образования с русскими притяжательными суффиксами *-ов* и *-ин* и почти нет наименований с суффиксами существительных (только *Выхрица* и, может быть, *Вохрыч*). Поэтому нет никаких сомнений в том, что $(V)xp(V)$ – озерный формант.

В ауслaute бессуффиксальные с точки зрения русского языка названия обычно имеют окончание *-а* (*Вихра*, *Суехра*) и *-о* (*Вышехро*, *Смехро*). Примечательно, однако, что в старину фиксировались и варианты с конечным согласным *р*, ср. *Нефр* < **Нехр* [Акты 1964: 465, 467]. В настоящее время формы с конечным *р* (*Поньхарь*, *Семахар*) встречаются реже (5 названий), чем наименования с вокалическим исходом, но они очень показательны, так как сохраняют консонантный ауслaut языка-источника.

Эти данные свидетельствуют о вероятности существования в языке субстрата основ с фонетической структурой $CVC(C)$, что вело к взаимодействию согласных на стыке основы и форманта с консонантным анлаутом. Были и другие факторы, которые способствовали преобразованиям форманта: он находился в слабой позиции и, судя по всему, имел исход на труднопроизносимую в ауслaute группу согласных *xp*. Обычная для русского языка и устойчивая в положении перед гласным группа *xp* в ауслaute тем не менее не встречается [ОС 1974: 508], что и объясняет ее изменчивость в процессе фонетико-морфологического освоения. В то же время взаимодействие как консонантного, так и вокалического исхода основы с начальным *j* форманта и последующим гласным приводило к ассимиляциям и диерезам, а как следствие этого к широкому распространению двухсложных лимнонимов типа *Вихра*, *Махра*, которые возникали из многосложных.

Русское освоение устраняло труднопроизносимую группу согласных *xp* в ауслaute развитием окончаний *о*, *а* (*Вохро*, *Вочехро*, *Вихра*, *Пузехра*) и с помощью эпентетических гласных (*Печхар*, *Поньхарь*, *Семахар*, *Учхор*), а иногда тем и другим способом (*Кочехоро*, *Ламхоро*, *Пурхало*⁵ < *Пурхаро*). Есть фиксации, свидетельствующие о том, что этот процесс еще не завершен, ср. параллельные формы *Поньхарь* и *Понехра*, *Семахар* и *Семахро*.

Анализ русского фонетико-морфологического освоения лимнонимов на $(V)xp(V)$ важен прежде всего в том отношении, что позволяет реконструировать формант в виде **jVxj*⁶, поскольку при наличии гласного в ауслaute многовариантность русской формы субстратных названий маловероятна: гласный языка-источника заменяли бы *о* или *а* русского языка, как это обычно происходит в заимствованных словах [Kalima 1919: 63–75; Матвеев 1959: 98–101]. Не мешает вспомнить и о лимнониме *Рушеягръ* на РС.

А. Альквист согласна с тем, что формант *xpa*, *xpo* достаточно типичен для мерянской территории и "относится, скорее всего, к мерянскому времени" [Альквист 2000а: 30]. Остается, однако, неясным, считается ли этот формант мерянским. Альк-

⁴ На территории ИМЗ формант сильно варьирует, причем как основа, так и формант могут иметь консонантный ауслaut. Отсюда необходимость уточнить условное обозначение.

⁵ В этом лимнониме произошла обычная диссимилиация вибрантов. В других случаях фонетические процессы не совсем понятны (ср. *Печехра* и вариант *Печхало*).

⁶ Вопрос о качестве гласного трудно решить не только из-за его колебаний и даже выпадения в русском языке, но и потому, что согласный *j* мог исчезнуть уже в языке-источнике, и это могло обусловить последующие комбинаторные изменения.

вист предпринимает попытки расширить материал, выявив новые случаи употребления форманта $(V)xp(V)$ в топонимии ИМЗ, но в своем большинстве они не могут быть признаны удачными.

Прежде всего не следует принимать во внимание разного рода темные или проблематичные случаи, ср.: "Принадлежность к этому ряду ярославского потамонима *Ухра* следует изучать: река берет начало из достаточно большого болотного массива, и ее верхнее течение проходит и в наше время через продолговатый водоем" [Альквист 2000а: 25–26]. Противоречиво объяснение гидронима *Шухрома* (> *Шухорма* на почве метатезы), который сперва предлагается сравнивать в форме *Шухорма* с другими названиями, имеющими субсубстратный озерный формант $Vp(V)$ [Альквист 2000а: 21], а затем в форме *Шухрома* рассматривать в ряду субстратных топонимов с консонантной группой *xp* [Альквист 2000а: 25]. Но если форма *Шухорма*, возникшая путем метатезы, является более поздней, то как это согласуется с тезисом о ее субсубстратном происхождении?

Далеко не каждое субстратное наименование с консонантной группой *xp* обозначает озеро. Поэтому неубедительны попытки обнаружить озерный индикатор в названии низменного луга *Пахрино* или бывшего населенного места *Похрино* [Альквист 2000а: 25], хотя очевидно, что у этих названий заимствованные основы. Посессивная форма и нелимнонимичность объектов не позволяют отнести их к числу наименований озер, тем более что посессивы очень часто могут быть связаны с антропонимами. Теоретически топоним *Пахрино* может восходить к названию озера **Пахра*, но более вероятно, что он образован от фамилии **Пахрин*, которая в свою очередь связана с наименованием московского села *Пахра* (< река *Пахра*). За немногими исключениями, А. Альквист оперирует как раз вторичными образованиями, в основном посессивами, а они небезальтернативны.

Не убеждает и интерпретация ойконима *Инархово* [Ahlqvist 1998: 39; Альквист 2000а: 23]. Конечно, можно предположить здесь метатезу и ввести реконструированную форму **Инахрово* в ряд озерных названий с формантом $(V)xp(V)$, тем более что во Владимирской области недалеко от озера *Исихра* есть населенный пункт с аналогичным названием *Асерово*⁷, который находится около небольшого озера. Но название *Инархово* имеют три деревни (в Угличском районе Ярославской области, Калезинском районе Тверской и Ильинском районе Ивановской), причем никаких озер около первых двух нет. Близ ивановского Инархово есть озеро, но этого все-таки недостаточно, чтобы считать все ойконимы Инархово образованными от лимнонимов. Кроме того, следует считаться и с мнением М.И. Смирнова, который полагает, что *Инархово* восходит к *Иринархово* [Смирнов 1929: 24]. А. Альквист сомневается в этом [Ahlqvist 1998: 93], но *Иринарх* – календарное русское имя [Петровский 1966: 124], выпадение звуков в этом случае оправданно, а фамилии *Иринархов/Инархов* < *Иринарх/Инарх* есть в русском антропонимиконе [Унбегаун 1989: 51].

Нецелесообразно пока включать в ареал $(V)xp(V)$ и несколько названий с группой *xp*, в которых предполагается переход $x > k$, известный в местных говорах [Альквист 1997: 29]. Интерес представляет лимноним *Искра* на левобережье Оки в Нижегородской области [Альквист 2000а: 25], поскольку он находится в пределах ареала названий на $(V)xp(V)$, а кроме того, видимо, содержится и в ойкониме *Искробол* (> озеро *Искробольское*) в зоне основы *яxp*. Вполне возможно, что *Искра* из **Исихра* (ср. лимноним *Исихра*), но полной уверенности в этом нет из-за названия реки *Искра* (озеро *Искорское*) на юге Вологодской области, т.е. уже в зоне *ягр*. В пределах ареала

⁷ Относить наименование *Асерово* к лимнонимам на $(V)xp(V)$ с уверенностью все-таки не стоит, поскольку нельзя исключить проникновение в эти места на правобережье Клязьмы (верховья реки Бужа) мордовских или близких к ним названий (ср. морд. *эрьке*, *эрьхе* "озеро").

(*V*)*xp(V)* во Владимирской области находится и лимноним *Вакра* (*Ваткра*), который также с большой вероятностью по происхождению относится к названиям с этим формантом (<? **Вахра* или **Ватхра*). Неясно главное, почему постулируемый переход *x > k* произошел только в нескольких случаях, а в абсолютном большинстве названий звук *x* сохранился. Может быть, действительная причина этого явления связана с какими-то комбинаторными изменениями, характер которых трудно определить из-за малочисленности фактов. Так или иначе, при картографировании лучше пока эти редкие случаи не учитывать.

Но есть названия, принадлежность которых к ареалу (*V*)*xp(V)* следует решительно отвергнуть. Таков лимноним *Сукра* в Тамбовской области [Альквист 2000а: 25], т.е. далеко за пределами ИМЗ. Название сенокоса *Бекрево* [Альквист 2000а: 25] происходит от русского прозвища **Бекря*, ср. *Бекряш* "прозвище крепкого здорового человека" [СРНГ, 2: 207], а также название деревень *Бекрино* и *Бекрята* (от патронима *Бекрята* "потомки Бекри").

Учитывая возможность возникновения варианта *Vxap* в ауслауте, казалось бы, допустимо причислить к лимнонимам по происхождению название деревни *Епихарка* [Альквист 2000а: 25], но основа этого ойконима, не имеющая соответствий ни в субстратной топонимии ИМЗ, ни на РС, фонетически близка к русской гипокористике *Епиха* от *Епифан* [Петровский 1966: 111], хотя вторая часть названия остается неясной. Кроме того, ссылка А. Альквист на болотистую местность рядом с деревней неубедительна. Во всяком случае это темное название тоже пока не следует относить к лимнонимам на (*V*)*xp(V)*.

Из фактов, приведенных А. Альквист, к названиям с формантом (*V*)*xp(V)* в зоне *яxp* с достаточным основанием можно отнести лишь два наименования *Махра*, одно в Сергиев-Посадском районе Московской области, другое – в Александровском районе Владимирской [Альквист 2000а: 25]. В этом случае их "озерность" можно аргументировать не только наличием группы *xp* и озер, но и несомненно субстратным характером основы, а также тем, что лимноним *Махра* есть и среди названий клязьминских озер. Все остальные факты, которыми оперирует А. Альквист, или отнесены к названиям с формантом (*V*)*xp(V)* ошибочно или спорны, поэтому не могут учитываться при картографировании.

Лимнонимы *Махра* представляют большой интерес, во-первых, по той причине, что свидетельствуют об употреблении в пределах зоны основы *яxp* термина *яxp* в роли детерминанта, т.е. основа *яxp* и формант (*V*)*xp(V)* являются топонимическими реализациями одного и того же обозначения озера (см. карту 2), а во-вторых, потому что указывают на одинаковую адаптацию географического термина со значением "озеро", выступающего в функции детерминанта, на всей территории ИМЗ.

В общей сложности было картографировано 34 лимнонима на (*V*)*xp(V)* (карта 2): *Вихра*, *Вичехра*, *Войхра*, **Вохра* < *Завохранец*, *Вохро*, *Вохрыч*, *Вочехро*, *Выхрица*, *Вышехро*, *Исихра*, *Качхра*, *Кивехро*, *Конхро*, *Кочехоро*, *Кочихра*, *Ламхоро*, *Ламхра*, *Махра* (3 названия), *Нефра*, *Нефро*, *Нечихра*, *Печехра* (*Печхало*), *Печхар*, *Поныхарь*, (*Понехра*), *Пузехра*, *Пурхало* (*Пурхаро*), *Санхар*, *Селихра* (*Селехра*), *Семахар* (*Семахро*), *Смехро*, *Суехра*, *Учхор*. К территории Владимирской области относится 29 наименований, Ивановской – 4, Московской – 1, т.е. подавляющее большинство топонимов на (*V*)*xp(V)* связано с Владимирской областью.

Карта свидетельствует, что лимнонимы с формантом (*V*)*xp(V)*, кроме двух названий *Махра*, сосредоточены в нижнем и среднем течении Клязьмы, в основном на левобережье ниже устья Нерли. Поэтому в дальнейшем условно будем именовать этот субрегион нижнеклязьминским. Из 32 нижнеклязьминских лимнонимов на правобережье зафиксировано 8, еще 2 на левом берегу Оки недалеко от устья Клязьмы. Ареал достаточно плотен и четок, но явно связан с географическими условиями –

множеством старичных озер в пойме Клязьмы и низовьях ее крупных притоков, что объясняет относительно хорошую сохранность лимнонимии: совокупность однотипных названий, хотя и подверженная русскому освоению, тем не менее не утрачивает формальный показатель.

А. Альквист, ссылаясь на Г.П. Смолицкую [Смолицкая 1973: 247; 1974: 65, 68], утверждает, что названия на $(V)xp(V)$ сосредоточены "в основном по среднему и нижнему течению Оки и нижнему течению Клязьмы" [Альквист 1997: 29; 2000а: 25]. Карта 2 свидетельствует, что это не так. Дело в том, что Г.П. Смолицкая объединила с названиями на $(V)xp(V)$ более южные наименования, на *рха*, *рхи*, *рка*, *рга* и др., которые тяготеют к мордовской топонимии, ср. морд. *эрьке*, *эрьке* "озеро". Перечень всех этих формантов приводится в работе Г.П. Смолицкой [Смолицкая 1974: 65]. Правда позднее [Смолицкая 1987: 26] ареал названий на *хра*, уже без упоминания о других формантах, распространяется на правобережное Поочье от устья Пары до устья Тешы, включая и низовья Мокши, с чем нельзя согласиться, так как в результате был выделен обобщенный, недифференцирующий топонимии различных языков ареал, к которому некритически апеллирует А. Альквист. Между тем о необходимости различать названия на *хра* и *рха* (с вариантами) писал еще А.И. Попов [Попов 1965: 118–119; 1974: 18, 27].

Сопоставление ареала лимнонимов с формантом $(V)xp(V)$ и названий с основой *яxp* (карта 2) позволяет сделать вывод, что в зоне *яxp* встречаются отдельные лимнонимы на $(V)xp(V)$, а в нижнеклязьминском субрегионе отсутствуют названия с основой *яxp*. Это несоответствие находит объяснение, если учесть результаты картографирования других топонимических типов ИМЗ.

4. ДРУГИЕ КОРРЕЛЯТИВНЫЕ ТОПОНИМИЧЕСКИЕ АРЕАЛЫ ИМЗ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Коррелятивность ареала топонимов с основой *яxp* и ареала этнотопонимов, производных от *меря*, позволяет идентифицировать эти топонимы как мерянские (см. 2). Отсюда следует, что сохранившиеся в зоне *яxp* лимнонимы с формантом $(V)xp(V)$ тоже следует считать мерянскими, восстанавливая формант в виде **яxp* (< **jаxp* или **jäxp*). Это в первую очередь относится к двум названиям *Махра* к северу от верхнего течения Клязьмы и уже не без сомнения к среднеклязьминским лимнонимам близ устья реки Нерль и выше по течению Клязьмы (см. карту 2). Соответственно отсутствие названий с основой *яxp* и этнотопонимов, производных от *меря*, в нижнеклязьминском субрегионе позволяет предполагать, что в этих местах для обозначения озер употребляется другой географический термин, который, однако, фонетически был близок к *яxp*, поскольку в функции форманта адаптировался аналогичным образом, т.е. в $(V)xp(V)$.

По всей видимости, этот термин сохранился в названиях озер *Юхор*, *Юхора*, *Юхро*⁸, а также *Юхроболево* (см. карту 2), которое зафиксировано на старинном "чертеже" окрестностей Владимира [Кусов 1993: 339], и может быть восстановлен в форме **юхр* < **jухг*, тем более что лимноним *Юхроболево* соответствует названию озера *Яхробольское*⁹. Основанием для идентификации этой топонимической лексемы как

⁸ Этот лимноним в устье Оки примечателен в том отношении, что является самым восточным из названий такого рода, значительно расширяя тем самым зону расселения жителей нижнеклязьминского субрегиона.

⁹ В.С. Кусов наряду с озером *Юхроболево* упоминает и исток *Юхроболдской* [Кусов 1993: 339], очевидно, из *Юхроболской*. Это снимает какие-либо сомнения в отношении названия озера *Юхроболево*, которое имеет посессивную форму, и позволяет достаточно надежно восстанавливать исходное **Юхробол*. В то же время немаловажно, что Г.П. Смолицкая среди нелокализованных гидронимов Поочья упоминает исток *Яхроболской* [Смолицкая

географического термина служит не только относительная частотность названий и регулярность корреляции с объектом (озером), но и четкая ареальная противопоставленность основ *яxp* и *юxp*: эти термины находятся в отношении дополнительной дистрибуции, что позволяет выделять зону *юxp*, для которой характерно отсутствие этнопонимов, производных от *меря*. Веское подтверждение терминологического характера основ *яxp*, *юxp* и их исходного значения "озеро", а также принадлежность основы *яxp* мерянской топонимии можно видеть в оппозиции названий *Яхробол* в зоне *яxp* и **Юхробол* в зоне *юxp*. Реконструируемые термины несомненно родственны, при этом слово **jux* должно рассматриваться как эквивалент мерянскому **jax* в каком-то неидентифицированном пока финно-угорском языке субрегиона нижней Клязьмы, а слово **бол* (< **bal*) как общее достояние мерянского и этого неизвестного языка.

Поскольку освоение консонантного ауслота **xr* в терминах **jax* и **jux* в русском языке осуществлялось одинаковым образом и уже рассматривалось в процессе анализа названий с формантом (*V*)*xp*(*V*) (см. 3), заметим только, что в субстратных названиях представлены все способы переработки группы **xr* в ауслоте слова **jux*, ср. *Юхро* (**jux* > *Юxp*[*o*]), *Юхор* (**jux* > *Юx*[*o*]р) и *Юхора* (**jux* > *Юx*[*o*]р[*a*]). Однако требует разъяснения различный вокализм терминов **jax* и **jux*. Сразу же подчеркнем, что это различие никоим образом нельзя истолковывать, опираясь на постулируемое А. Альквист фонетическое чередование гласных *a*–*o*–*y*, якобы характерное для субстратной топонимии ИМЗ, на основе которого сопоставляются *Шакша* – *Шокша* [Альквист 2000а: 17], *Шагара* – *Шугорь* [Альквист 2000а: 21], *Кустерь* – *Кастер* [Альквист 2000а: 22] и т.п. Это "чередование" может иметь различные источники как финно-угорские (ср. фин. *kala* "рыба", саам. кильдинское *кулль*, марийск. *кол*), так и связанные с русским освоением, например, восприятием фин. *a* сперва как *o*, позднее как *a*, отраженным в форманте *бал*, *бол* "селение" и т.п. При изучении субстратной топонимии фонетические соответствия, характерные для субстратных языков, как в синхронии, так и в диахронии, становятся значимыми только при наличии серии фактов одного порядка и их ареальной оппозиции. Кроме того, надо убедиться в том, что мы имеем дело с фонетическим варьированием генетически родственных слов, что и наблюдается в случае *яxp* – *юxp*. "Соответствия" же типа *Какша* – *Кокша* – *Кукиша* или *Шакша* – *Шокша* – *Шукиша* при неустановленной семантике и отсутствии ареального противопоставления отыскиваются очень легко, но почти всегда являются мнимыми. Это не более чем набор созвучных слов. Надо сперва доказать, что в мерянской или домерянской топонимии существовала оппозиция звуков **a*–**o*–**u*, а потом ее использовать.

Интерпретация оппозиции **jax* – **jux*¹⁰ должна увязываться с системным для марийского [Грузов 1969: 126–130] и пермских [Лыткин 1957: 81–82] языков процессом

1976: 286], который зафиксирован во Владимирских писцовых книгах XVI в. По-видимому, *Юхроболский* исток и *Яхроболской* исток обозначают один и тот же объект, и это еще раз подтверждает, что **юxp* "озеро". Но как объяснить существование названия в двух формах? Возможно, оно было зафиксировано у носителей разных языков. В таком случае допустимо, что в XVI–XVII вв. эти языки еще существовали. Однако нельзя исключить, что различные звуковые варианты наименования бытовали уже у обрусевших финно-угров. Наконец, могло сказаться действие аналогии к широко распространенной основе *яxp*, известной и по топонимам в окрестностях Москвы. Так или иначе, наличие звуковых вариантов свидетельствует о том, что название функционировало в переходной зоне от ареала *юxp* к *яxp*. На это указывают и другие топонимические данные (см. карты 1, 2).

¹⁰ В настоящее время мерянские реконструкции еще очень условны. Учитывая фин. *järvi*, марийск. *jär* следует восстанавливать мерян. **jäxr*, но саам. *jaw're* дает возможность думать о **jax*. Соответственно допустимы варианты **jux* и **jüx* в языке нижней Клязьмы. Поэтому формы **jax* и **jux* пока следует воспринимать как условное обозначение обоих вариантов реконструкции.

сужения корневого гласного. Серьезное подтверждение существования согласного ауслата в этих терминах и сужения корневого гласного, отраженного в **juxr*, находим в гидронимах с формантом *Vx* (*Вондух*, *Ландех*, *Люлих* и т.п.). Названия этого типа, имеющие согласный ауслат, характеризуются четким и плотным ареалом в нижнем течении Клязьмы (карта 3).

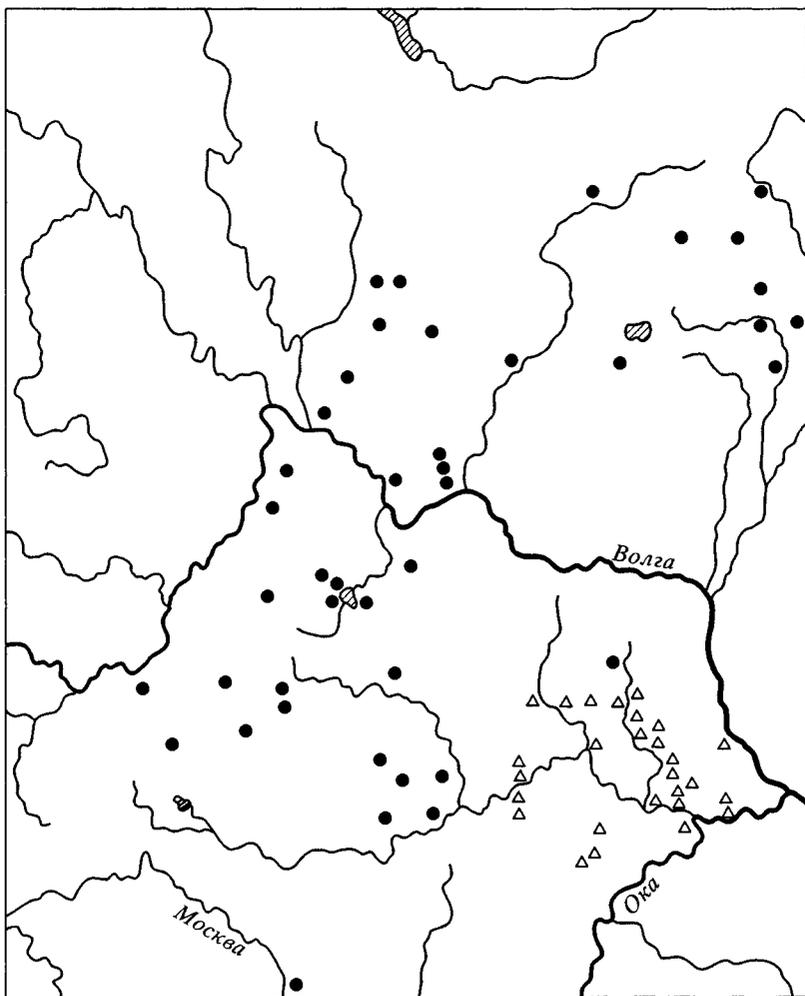
Начало изучению этого интересного гидронимического типа положил В.А. Никонов [Никонов 1960: 92–95]. Основываясь на фоностатистике, он гипотетически определил язык названий на *Vx* как "наложение архаичнотюркского слоя на финно-угорский". В.А. Никонов отнес ареал названий на *Vx* к бассейну Клязьмы и частично нижней *Оки*, но на карте в его статье они показаны на территории Рязанской области и крайнего юга Владимирской (южнее Муром). Е.М. Поспелов справедливо считает названия на *Vx* финно-угорскими и относит их ареал прежде всего к нижнему течению Клязьмы. Ему же принадлежит предположение, что исход этих названий связан с русской фонетической адаптацией $z > x$, и поэтому они могут быть сведены к субстратным гидронимам на *Vz* [Поспелов 1967: 12–13]. Г.П. Смолицкая указывает, что названия на *Vx* распространены главным образом в междуречье Клязьмы и Волги, хотя одиночные гидронимы встречаются и на правобережье Клязьмы. На карте они воспроизведены точечным способом преимущественно в Ивановской области [Смолицкая 1974: 64–65]. О.Б. Ткаченко считает названия на *Vz* мерянскими [Ткаченко 1985: 73].

Картографирование показало, что гидронимы на *Vx* довольно компактно расположены в бассейне нижнего течения Клязьмы между ее устьем и местом впадения реки Увось, а частично также на прилежащем к этой территории левобережье *Оки* (см. карту 3), т.е. В.А. Никонов по существу верно определил ареал гидронимов на *Vx*, однако на опубликованной в его статье карте этот ареал оказался смещенным к югу, чему способствовал не очень точный штриховой способ воспроизведения ареала. Напротив, точечный способ прямо указывает на преобладание гидронимов на *Vx* в бассейне р. Лух и на прилежащей к нему территории по реке Клязьме между ее устьем и местом впадения Луха.

Сопоставление ареала *Vx* с ареалами этнопонимов, производных от *меря*, а также топонимов с основами *яxр* и *юxр* однозначно свидетельствует о том, что ареал *Vx* коррелятивен с зоной *юxр*, но не совпадает с территорией распространения основы *яxр* и этнопонимов, производных от *меря*. Это означает, что лимонимы с основой *юxр* и гидронимы на *Vx* были созданы не мерей, а каким-то другим финно-угорским этносом, для языка которого был в той или иной степени характерен согласный ауслат и сужение гласного в корне. Поэтому гидронимы на *Vx* должны сравниваться прежде всего с топонимами на согласный в ауслате (утратившими конечный гласный) и наличием сужения гласного в корне, а именно с часто встречающимся гидронимом *Юz* (ср. фин. *joki* "река") и многочисленными названиями рек на *Vr* типа *Нюрюг* в Костромской и Вологодской областях.

В.А. Никонов, анализируя звуковой состав гидронимов этого типа, указывает на широкую употребительность *y* в первом слоге [Никонов 1960: 93]. В этом без сомнения следует видеть отражение тенденции к сужению гласных. Добавим, что и в форманте *Vx* узкие гласные *y* и *и* характерны по крайней мере для половины фиксаций. Очевидно, этот язык был достаточно специфичен. Обращает на себя внимание полное отсутствие *ш* в ауслате, очень характерного как для марийского, так и мерянского языка звука, при довольно частой фиксации *с* (*Сасох*, *Саях*, *Сезух*, *Сердух*, *Серзух*).

На археологических картах бассейна Клязьмы показано очень мало памятников ниже устья Тезы, т.е. в зоне *юxр* и *Vx*. По преимуществу они находятся в бассейне Тезы и между Тезой и Лухом [Голубева 1987: 67–92]. Эти памятники квалифицируются как мерянские и муромские. При этом обращает на себя внимание почти полное отсутствие поселений и могильников (одно мерянское селище и один могильник на Тезе, два муромских могильника между Тезой и Лухом). Между тем топонимиче-

Карта 3. Другие коррелятивные ареалы ИМЗ.

△ Гидронимы с формантом *Vx*.

● Ойконимы с формантом *бал, бол*.

ский материал [лимнонимы на *(V)xp(V)* и с основой *юхр*, гидронимы на *Vx*] очень богат для сравнительно небольшой территории. В то же время здесь не обнаружены явные этнопонимы. Трудно сказать, свидетельствует ли все это об образе жизни местного населения, например, об отсутствии постоянных жилищ. Остается открытым и вопрос об этнической привязке топонимического субстрата в этой зоне.

Можно попытаться в какой-то мере прояснить эту сложную картину, сопоставив уже полученные результаты лингвистического картографирования с ареалом одного из самых распространенных топонимических типов ИМЗ – ойконимов с формантом *бал, бол* (*пал, пол*) "селение" (см. о них [Vasmer 1935: 585–587; Попов 1974: 15–16, 22–23; Ткаченко 1985: 61–62]). Здесь нет необходимости рассматривать трудный вопрос о происхождении этого форманта и его связях с аналогичными формантами на других территориях, поскольку нас интересует главным образом ареал ойконимов на *бал, бол* в ИМЗ. Но следует заметить, что А. Альквист, признавая типичность названий на *бал, бол* для мерянских земель, тем не менее не идентифицирует их как мерянские [Альквист 2000а: 18]. В то же время попытки привлечь факты, относящиеся к другим

территориям [Альквист 2000а: 31–32], не способствуют решению вопроса. Гидронимы *Кундоболка* и *Пиченбал* относятся к бассейну Цны намного южнее ИМЗ. Если даже они восходят к ойконимам на *бал, бол*, что еще необходимо доказать, то могут быть не мерянскими, а принадлежать какому-нибудь другому финно-угорскому этносу, быть перенесенными в эти места группой мигрантов и т.п. Все такие факты, конечно, достойны внимания и должны тщательно изучаться, но в качестве аргумента они в настоящее время неприемлемы, так как не образуют ни системы, ни ареала.

Ареал ойконимов на *бал, бол* (карта 3) прежде всего показателен в том отношении, что соответствует зонам распространения этнопонимов, образованных от *меря*, и гидронимов с основой *явр*. Это, как и ойконим *Яхробол* (см. 2), бесспорное доказательство принадлежности топонимических элементов *явр* "озеро" и *бал, бол* "селение" к мерянской лексике. На это же указывает отсутствие названий на *бал, бол* в пределах ареала гидронимов на *Vx* (карта 3) и зоны *юхр* (карта 2), что еще раз свидетельствует о специфике субстратной топонимии нижнеклязьминского субрегиона и о том, что она, по-видимому, была создана не мерей, а каким-то другим финским народом. Единичное для нижнеклязьминской зоны название *Юхроболево* в этом отношении непоказательно, так как находится на краю ареала *бал, бол* в переходной зоне от языка **jaxr* к языку **juxr*. Хотя оно указывает, что лексический элемент *бал, бол* мог быть известен не только мерянам, но и нижнеклязьминцам, в условиях смешения языков, характерного для переходных зон, значение этого факта преувеличивать не стоит. Если в зоне гидронимии на *Vx* в дальнейшем не будут обнаружены реликты субстратной ойконимии, это будет указывать и на особенности образа жизни древнего населения. Ввиду отсутствия специфической этнопонимии проблематично и его длительное сосуществование с русскими.

5. НАЗВАНИЯ ОЗЕР С ФОРМАНТОМ *Vp(V)*

Названия с формантом *Vp(V)*, обычно *ep(o)*, *op(o)*, А. Альквист считает домерянскими, т.е. субсубстратными, распространенными на территории центральной мери [Альквист 1997: 29–30; 2000а: 18, 23]. Естественна надежда, что опыт выявления домерянских субсубстратных названий, вызывающих большой интерес, будет соответствующим образом обеспечен методически.

А. Альквист оставляет открытым вопрос о происхождении субсубстратных названий и о том, какой этнос предшествовал мерянам, ограничиваясь указанием, что это были финно-угры [Альквист 2000а: 23]. О контактах русских с создателями субсубстратной топонимии Альквист ничего не пишет. Как называли себя носители субсубстратного языка, неизвестно: никаких следов их имени в русской топонимии не обнаружено. Следовательно, опоры в этнопонимии тоже нет. Поэтому, обращаясь к столь древнему слою названий, прежде всего необходимо было учитывать апробированный принцип, согласно которому более древние наименования лучше сохраняются в гидронимии, а в ойконимии и микропонимии субсубстрат маловероятен. Исходя из этого, предполагаемый субсубстрат в первую очередь следовало искать в названиях рек, т.е. пытаться выявить основу *Vp(ep, op* и т.п.) "озеро" в гидронимии. Но в мерянской этнопонимической зоне нет ни одного сколько-нибудь убедительного примера гидронимии с основой *Vp*. В материалах А. Альквист приводятся только топонимы с аулаутом *Vp(V)* [Альквист 2000а: 19–24] и безусловно русское название реки *Ярцевка*, связанное с широко распространенной русской фамилией *Ярцев* [Унбегаун 1989: 74; Федосюк 1996: 264], засвидетельствованной еще в XVI в. [Веселовский 1974: 381], и с многочисленными ойконимами *Ярцево*. Антропоним *Ярцев* восходит в конечном счете к русскому *ярый* [ЭСРЯ 1996, IV: 562]. Между тем для сохранившегося субсубстрата характерны прежде всего основы, тогда как форманты, особенно географические термины по происхождению, в процессе усвоения языком субстрата эллиптируются, стираются, калькируются и т.п. Таким образом, возникает "нештат-

ная ситуация": обозначение озера высокочастотно в субстрате, но совсем не представлено в основах субсубстрата. Примечательно и другое: собственно мерянские, т.е. субстратные, лимнонимы с формантом $(V)xp(V)$ в зоне $яxp$ почти не сохранились, поскольку в тех местах нет значительных групп озер и соответственно комплексов озерных названий (подробнее см. выше), однако, как полагает А. Альквист, там уцелели субсубстратные названия озер. Уже два эти обстоятельства вынуждают обратиться к принципам отбора материала, которыми руководствуется Альквист.

Выявление как субстратных, так и предполагаемых субсубстратных названий А. Альквист связывает с двумя критериями – фонетическим (наличие звуковых комплексов $xp(V)$ или $Vp(V)$ в ауслaute топонима, рассматриваемых как формант, восходящий к слову со значением "озеро") и географическим (поскольку не каждый субстратный топоним, который содержит сочетание xp и Vp , является лимнонимом, название должно соотноситься с озером, существующим в настоящее время или существовавшим в прошлом). Таким образом, фонетический критерий позволяет обнаружить название, а географический – подтвердить его связь с объектом (озером). Однако топонимическая действительность сложна, и обычно этих критериев недостаточно.

Прежде всего должен учитываться а р е а л ь н ы й критерий. Выявляя названия на ep , op , ap , А. Альквист обнаруживает их в рязанских и тамбовских землях, ср. лимнонимы *Пумерки*, *Папорки*, *Вечерки*, *Катерки*, *Кужарки* и т.п. [Альквист 2000а: 24], хотя эти территории находятся за пределами ИМЗ. Необходимо считаться и с с т р у к т у р н ы м критерием: в лимнонимах типа *Пумерки* и т.п. выделяется не формант $Vp(V)$, а $Vpki$, который явно соотносится с мордовским названием озера *эрьке*. Наконец, вспомним о с е м а н т и ч е с к о м критерии, в соответствии с которым географический термин, скрытый в форманте, должен соответствовать виду обозначаемого объекта, т.е. название с озерным формантом должно обозначать именно озеро, а не что-либо иное. Если же это не так, должно быть найдено адекватное объяснение. Семантический критерий предполагает, что значение форманта уже известно и остается только подтвердить его, обращаясь к реалиям, тогда как географический критерий связан с использованием реалий в качестве аргумента для установления значения. Естественно, что его применение требует большой осторожности. Рассмотрим с этой точки зрения топонимы, в которых, по мнению А. Альквист, следует выделять субсубстратный озерный формант $Vp(V)$ [Альквист 2000а: 20–24].

В общей сложности приводится до 30 названий с ауслаутом $Vp(V)$, среди которых собственно лимнонимом является только название озера *Неро* и, может быть, озера *Вочеровское* (ср. ойконим *Вочерово*, если он образован от лимнонима **Вочер*), но это наименование относится к территории костромской мери, а не центральной. Кроме того, в перечне 4 гидронима, включая *Ярцевка* (о нем см. выше), 20 названий населенных пунктов и несколько наименований угодий. Если сопоставить эти данные и сведения о названиях с формантом $(V)xp(V)$, которые регулярно соотносятся с озерами, то окажется, что в субсубстрате господствуют ойконимы и микротопонимы (с точки зрения А. Альквист, бывшие лимнонимы), а в субстрате – собственно лимнонимы, но такой вывод противоречит обычному историческому соотношению: названия водоемов древнее наименований населенных пунктов и угодий. К тому же большинство названий на $Vp(V)$ относится к числу посессивных (среди лимнонимов на $(V)xp(V)$ их нет).

Исправить положение может только ссылка на географический объект – озеро, но поскольку в большинстве случаев озера отсутствуют, активно используется предположение о том, что они были в прошлом. К чему это приводит, видно из следующих образцов применения географического критерия. Доказательствами существования озера считаются: болото или болотистая местность – *Биберево*, *Пихирево* [Альквист 2000а: 22], *Сахотское/Сахорское* [Альквист 2000а: 23], *Сандыревское* [Альквист 2000а: 24], хотя далеко не каждое болото когда-то было озером; болото, которое стало "после торфоразработок водоемом под названием *Озеро*" – *Котюрово* [Альквист

2000а: 20], хотя болото, ставшее водоемом после торфоразработок, никак не могло приобрести субсубстратное название; низменность – *Мандрово, Шошуриха* [Альквист 2000а: 23]; низина, называемая *Дол – Котрохово* [Альквист 2000а: 20]; воспоминания жителей о том, что около 1000 лет тому назад было озеро – *Киучер* [Альквист 2000а: 22]; сведения о том, что "весной вода поднимается даже до самой деревни" – *Суборь* [Альквист 2000а: 23]; "местность вокруг состоит из болот, часть из которых могли быть раньше озерами" – *Хомерово* [Альквист 2000а: 23]; собственное соображение о том, что у деревни "вполне могло быть озеро" – *Шабурново* [Альквист 2000а: 23], "окружность сел... с руслом речки и оврага... вполне подойдет для существования некогда здесь небольшого озера" – *Шугорь* [Альквист 2000а: 21], "можно выделить озерный суффикс *-er* уже на основании наличия реки *Вожа*... в близлежащей местности" – *Вожерка* [Альквист 2000а: 23], но река *Вожа* находится более чем в 100 километрах от реки *Вожерка* и, кроме того, на основе чисто формального подхода из этого гидронима невозможно извлечь лимноним: группа *Vp* может и не быть формантом; далее уже об ойкониме *Ожарово* говорится, что он является "параллельным" названием к *Вожерка* [Альквист 2000а: 23], что неправдоподобно без исторического и лингвистического обоснования.

Иногда подобного рода рассуждения подкрепляются ссылками на других авторов, создающими видимость аргументации. Так, об ойконимах *Вокшер(ы), Вокшерино* и названии реки *Вокшерка* говорится, что М. Фасмер [Vasmer 1935: 360, 386, 387] связывает их с марийск. *βakšär* "пруд", "в окончании которого выделяется" *jär* "озеро" [Альквист 2000а: 23]. Фасмер, по-видимому, прав, но он доказывает, что это мерянские названия и что мерянский язык близок к марийскому, т.е. речь идет о субстрате, между тем как А. Альквист ссылаясь на Фасмера, пытается обосновать субсубстратное происхождение топонимов. Далее констатируется, что "в прошлом здесь были пруды, а в настоящее время в этих местах два озера... В том же сельсовете расположена деревня *Сендереве*" [Альквист 2000а: 23–24]. Однако о смежности деревни *Сендереве* и озерков сведения не приводятся, поэтому все эти рассуждения ничего не доказывают. Кроме того, ойконимы *Вокшеры* и *Вокшерино* явно вторичны: *Вокшеры* <*вокшеры* "жители деревень по реке *Вокшера*" (ср. *кокшары* "жители деревень по реке *Кокшеньга*" и т.п.), а ойконим *Вокшерино* соотносится с широко распространенной уже в XVI в. фамилией *Вокшерин* [Веселовский 1974: 70; Акты 1952: 430–432, 435; Акты 1964: 71, 426, 476].

Так как речь в основном идет об ойконимах, этих фактов, наверное, достаточно для того, чтобы убедиться в некорректном применении метода географических реалий для доказательства предположения о субсубстратном происхождении названий с формантом *Vp(V)*. Стоит, однако, взглянуть на проблему несколько шире: насколько вообще эффективен прием массового сопоставления фактов языка с географическими объектами в интерпретации А. Альквист. Уместно в этой связи еще раз обратиться к топонимам с основой *яxр* (см. 2) и формантом (*V*)*xр(V)* (см. 3). Может быть в этом случае факты более убедительны? Но и здесь характер сопоставлений и ссылок не меняется. Лимнонимами по происхождению считаются названия болот *Грашнево, Семиградовское* [Альквист 2000а: 25], *Софроново* [Альквист 2000а: 26], *Ядрениха* [Альквист 2000а: 24], низменных лугов *Бекрево, Пахрино* [Альквист 2000а: 25], покоса *Харило* [Альквист 2000а: 26], леса с болотом *Хрениха*, леса *Ядреве* [Альквист 2000а: 24], населенного пункта "рядом с болотистой местностью" *Епихарка*, бывшего населенного пункта *Похрино*, деревень *Кренево* и *Харино*, поскольку здесь "раньше, по всей видимости, было озеро" [Альквист 2000а: 25]. И в этом случае господствуют ойконимы и наименования угодий. Лимнонимов почти нет.

Хорошо известному методу проверки реалиями [Матвеев 1960: 117–118; Попов 1965: 134–136] А. Альквист придает настолько большое значение, что в лингвистической работе он выходит на первый план, а отсутствие соответствующих фактов

вынуждает исследователя использовать неадекватный материал. Отсюда же идут и настойчивые рекомендации Альквист "тестировать гипотезы у местного населения" [Альквист 2000а: 17], хотя хорошо известно, что информация старожилов бесценна при изучении топонимии живого языка, но почти всегда бесполезна при изучении древнего субстрата и тем более субсубстрата (ср. [Попов 1965: 63–67]).

Таким образом, если сопоставить названия, которые А. Альквист рассматривает как "озерные", с реалиями, то в отличие от наименований рек с основой *яxр* и озер с формантом (*V*)*xр(V)*, сразу обнаруживается, что в подавляющем большинстве случаев мы имеем дело не с теми объектами, на которые должны указывать такие топонимы (озера), а с другими, чаще всего названиями смежных деревень. Разумеется, метонимия очень широко распространена в топонимии и сама по себе модель лимноним $>$ ойконим высокочастотна, но наличие метонимии и ее обусловленность требует не только географического, но и лингвистического обоснования. Географический критерий бесспорно очень важен. Он может успешно использоваться в топонимике как для поиска, так и для проверки топонимических решений, но его нельзя абсолютизировать. Тем не менее главенствует лингвистическая оценка материала, опирающаяся, естественно, на исторические и географические данные. Она со своей стороны не позволяет согласиться с гипотезой Альквист о субсубстратных названиях на *Vp(V)*. И хотя уже сказанного ранее достаточно, чтобы отвергнуть предлагаемые интерпретации, обратимся к собственно лингвистической и в первую очередь этимологической стороне вопроса.

Топонимы с аусллаутом *Vp(V)*, который рассматривается как формант, образуют две группы: первую, очень небольшую, куда входят субстратные названия природных объектов (рек, озер, болот), и вторую, намного более значительную, из названий населенных пунктов, которые восходят к русской ономастике и диалектной лексике, в том числе и иноязычной по своим истокам.

В первой группе наибольшие споры вызывают названия озера *Неро* и реки *Которосль*.

В свое время автор высказал предположение о том, что название *Неро* мерянского происхождения и родственно фин. *meri* "море", поскольку *Неро* и другие озера ИМЗ (Ростовское, Галичское), для которых с некоторыми оговорками восстанавливается то же древнее название, на этой территории самые большие озера [Матвеев 1978]. Семантическая модель "море" $>$ "большое озеро" хорошо известна. А. Альквист тоже полагает, что *Неро* имеет значение "Большое озеро", но связывает этот лимноним с фин. *epo*, морд. *ине* – "большой" и озерным формантом *Vp(V)*, при этом название считается домерянским и, следовательно, субсубстратным. Характер этого субсубстрата не устанавливается, но приводятся все эквиваленты фин. *järvi* – "озеро", включая мордовские и марийские [Альквист 2000а: 22; подробнее Ahlqvist 1998].

У этой версии, однако, много уязвимых мест. Прежде всего, вопреки А. Альквист, в зоне центральной меры ареал лимнонимов на *Vp(V)* не прослеживается. Только в пойме Клязьмы есть разрозненные названия этого типа (см. подробнее ниже). Спорен и фонетический аспект этимологии, поскольку как существование, так и исчезновение гласного в анлауте трудно доказать: 1) приходится допустить, что произошел перенос ударения на второй слог. т.е. **iner(o)* или **éner(o)* $>$ **inér(o)*, **enér(o)*, а в финно-угорской субстратной топонимии это происходит очень редко; 2) сколько-нибудь убедительные случаи исчезновения начальных гласных в финно-угорском топонимическом субстрате пока не зафиксированы, а если они и будут выявлены, то окажутся в числе уникальных; в лексических заимствованиях из финно-угорских языков это явление вообще не наблюдается [Kalima 1919; Матвеев 1959]; 3) начальный гласный в других топонимах ИМЗ с основой *ин(V)*, как правило, сохраняется (*Инохта*, *Инокша*¹¹,

¹¹ Основу *ин* в гидрониме *Инокша* сопоставлял с морд. *ине* "большой" уже С.К. Кузнецов [Кузнецов 1910: 122].

Иноваж, Иней, Иночь, Инюха и др.), поэтому его аферезис в *Неро* выглядит аномально; 4) нет никаких исторических свидетельств, которые позволили бы реконструировать форму **iner(o)* или **ener(o)*.

В свете всего сказанного этимология А. Альквист не внушает доверия. Кроме того, предположение о том, что меряне называли словом *Неро* три самые крупные озера в различных частях ИМЗ, плохо согласуется с версией о его субсубстратном происхождении и утрате начального гласного: такая однотипность аномальной эволюции на разных территориях маловероятна. Поэтому логичнее видеть в слове *Неро* не стертую атрибутивную конструкцию, восходящую к некоему субсубстрату, а мерянский географический термин, который стал топонимом.

Субсубстратным считается и название реки *Которосль* [Альквист 1997: 34, 2000а: 20], ранее часто *Которость*, а в памятниках XIV–XVI вв. регулярно *Которось*, ср. "в реке в Котороси" [Акты 1964: 205, 208, 210, 217–218, 220, 222–224, 226–231]. Эти фиксации свидетельствуют, что формы *Которость*, *Которосль* являются более поздними, возможно, народно-этимологическими русскими образованиями, из которых А. Альквист и извлекает лимноним **Которо*. Название луга *Котрас* у истока реки *Которосль*, недавно зафиксированное лично Альквист, а также наименование болота *Котрас* (по Альквист), в материалах ТЭ УрГУ ручья *Котрас*, притока Лежи в Грязовецком районе Вологодской области, при обсуждении вопроса о происхождении гидронима *Которосль*, несомненно, имеют решающее значение, так как совершенно ясно, что именно форма *Котрас* является рефлексом древнего финно-угорского гидронима, которая сохранялась у постепенно утрачивающих свой язык мерян Ярославщины и Вологодчины. Первичность этой формы как раз и доказывает вологодский гидроним *Котрас*, не имеющий параллельных образований. Подростовские меряне тоже сохранили это название, но уже в результате метонимии применительно к лугу в истоке реки, наименование которой утвердилось в адаптированной русской форме (*Котрас* > *Которось* > *Которость*, *Которосль*). Эта форма является, таким образом, более поздней.

Фиксация двух названий *Котрас* лишает все прочие параллели, которые в обилии приводит А. Альквист, какой-либо доказательной силы, поскольку речь должна идти об исходной форме **kotras* (высокочастотное финно-угорское образование с суффиксом *-as*), а не **kotoro*. Что касается очень близкого к *Котрас* костромского *Котрость* и архангельского *Котрость*, то они, видимо, были перенесены в эти места русскими или уже утрачивающими свой язык мерянами.

В фонетико-морфологическом развитии *Котрас* > *Которосль* следует выделить три момента: 1) субституцию *a* в старом заимствовании (возможно X–XI вв.) как *o* [Kalima 1919: 46–47], что при сохранении формы **kotras* в языке самих мерян дает важную относительную хронологию: полное обрусение мери произошло уже после того, как финское *a* стало восприниматься как русское *a*; 2) в реконструируемой форме **Котрос* под влиянием двух гласных *o* возник энентетический *o* перед плавным и создалось своего рода компенсационное "полногласие" – **Которос*, неудивительное для слова с обилием глухих согласных (*κ–т–с*) и консонантной группой *тp*; 3) на одном из этапов (*Котрас* > **Котрос* > **Которос*) название реки, как это часто бывает, стало существительным женского рода, что и повлекло смягчение конечного согласного.

Поскольку в первоначальной форме **kotras* нет никаких признаков озерного форманта, а реконструкция **kotoro* извлечена из более поздней русской формы, компонент *ʋpV* (*оро*) в *Которосль* должен рассматриваться как псевдоформант. Следовательно, гидроним *Которосль* не имеет никакого отношения к постулируемому субсубстрату.

По той же причине не может быть субсубстратным и отлимнонимическим название покоса *Мандрово* [Альквист 2000а: 23], по-видимому, заимствованное русскими у мест-

ного населения, но не содержащее озерного форманта *Vp(V)*. В то же время существование основы *мандр* подтверждается наименованием поля *Мандриха* (Верховажский район Вологодской области) и луга *Мандруха* (Красноборский район Архангельской области).

Еще два названия недостаточно верифицированы. О наименовании болота *Сахотское* говорится, что оно может быть отнесено к топонимам на *Vp(V)*, "если приведенный для него вариант *Сахорское* правильный" [Альквист 2000а: 23], но варьирование $p \sim t$ в русском языке представить невозможно. Фактически во всех надежных источниках указывается болото *Сахотское*, или *Сахта*, в котором берет начало река *Сахта*, приток Ухтомы. О названии *Сеяр*, которое упомянуто в сотной 1562 г. Махрицкого монастыря (Переславский уезд), М.И. Смирнов пишет: "деревня Запрудное на Сеяре Слободского стана" [Смирнов 1929: 69]. А. Альквист со своей стороны указывает с ссылкой на архив РГАДА, что в этой сотной содержатся упоминания о реке *Сеяре* и реке *Сере* и хотя об озере не говорится, но название деревни Запрудное дает право предполагать наличие здесь в XVI в. какого-то небольшого водоема [Альквист 1997: 29; 2000а: 22]. Перенос названия озера на реку вероятен, локализовать это название тоже нетрудно, так как и поныне существует село Махра на реке Молокча близ города Александров Владимирской области. Проблема в другом: чуть ниже села Махра Молокча, сливаясь с рекой Сера, образует реку Шерна. Поскольку в сотной упоминаются реки *Сера* и *Сеяр(a)*, возникает вопрос, не одно ли это название. Могут быть даны разные объяснения (в том числе и просто ошибка писцов), но поскольку нет прямого указания на то, что *Сеяр* – озеро, а в настоящее время нет и названия *Сеяр(a)*, водоем же именуется Махринским озером или просто Озером [Альквист 2000а: 25], пока нет никаких оснований относить название *Сеяр* к субстратным лимнонимам.

Нет смысла останавливаться еще на двух явно субстратных по звуковым характеристикам названиях – *Киучер* [Альквист 2000а: 22] и *Шугорь* [Альквист 2000а: 21]. В принадлежности первого к лимнонимам сомневается сама Альквист, а его происхождение не обсуждается. Этимология второго, конечно, спорна, но Альквист только приводит разного рода факты, которые, с ее точки зрения, свидетельствуют против мерянского или марийского происхождения этого ойконима. Свою точку зрения она не высказывает. Поскольку верификация географической реалии в данном случае дает отрицательный результат (см. выше), версия о субстрате отпадает, а чисто этимологический спор в контексте этой статьи вряд ли необходим.

Ряд названий населенных пунктов, которые А. Альквист считает субстратными лимнонимами, находит объяснение в русской ономастике и диалектной лексике. Среди них есть этимологически совершенно прозрачные, но есть и "темные", субстратное происхождение которых, тем не менее, не подтверждается фактами. Во избежание повторений подчеркнем сразу, что при выявлении топонимических (прежде всего ойконимических) параллелей, выяснялось, имеются ли озера близ соответствующих объектов (населенных пунктов и т.п.): лимнонимичность субстратного топонима могло бы подтвердить существование аналогичных названий и соответственно наличие озер, если же они отсутствуют, приходится считать предположение об "озерности" ошибочным. По данным карт масштаба 1 : 200000 и 1 : 100000, а также картотеки ТЭ УрГУ озер во всех случаях нет.

В русских диалектных словах, которые проникли и в ономастику, находят объяснение ойконимы *Котюрово*, *Суборь*, *Шабурново*.

Котюрово (*Котурёво*) [Альквист 2000а: 20], ср. вологодское *котюр* "груда, ворох, куча", *котюром* "в большом количестве" [СРНГ, 15 : 118]. Форма *котюром* (ср. *Котурёво*) зафиксирована в костромских говорах [СРНГ, 15: 114]. В русской ономастике засвидетельствованы фамилия *Котюров*, деревня *Котюрова* (Камышловский район Свердловской области), луг *Котюрёв Лог* (Межевской района Костромской области).

Суборь [Альквист 2000а: 23], ср. диалектное *суборь* "хвойный лес", "переходный тип от бора к тайге", "в Среднем Поволжье – сосново-еловые леса, более увлажненные и замшелые, чем боры" [Мурзаев 1984: 529], вологодское и костромское "переход от чистого леса к таежному или от леса к болоту" [ТЭ УрГУ]. Образовано от *бор* по той же модели, что и другие слова, обозначающие переходные состояния: *суболоть* (<болото), *супесь*, *суморось* и т.п. В топонимии: лес *Суборь*, деревня *Субориха* в Костромской области, деревня *Суборь* – в Тверской, деревня *Суборная*, болото *Суборное* – в Вологодской и т.п.

Шабурново [Альквист 2000а: 23]¹², ср. вологодское, вятское *шабур* – "рабочий армяк" [Даль, IV: 618], *шабурный* – прилагательное к *шабур* [ТЭ УрГУ]. В ономастике – фамилия *Шабуров*, деревни *Шабуриха* (Ивановская область), *Шабурь*, *Шабурово*, *Шабурская* (Кировская область), остров *Шабурный* (Великоустюгский район Вологодской области).

В тех случаях, когда нет диалектных соответствий или они пока не обнаружены, показательные параллели могут быть выявлены в ономастике как с этимологически ясными, так и темными корнями. Так, для названия *Сандыревское болото* находим многочисленные соответствия в топонимии: пустошь *Сандырево* [Смирнов 1929: 67], бывшая деревня *Сандырево* в Костромской области, две одноименных деревни в Ярославской, по одной в Ивановской и Вологодской, две в Архангельской, деревня *Сандырево* в Тверской, деревня *Большие Сандыри* в Ивановской и т.п. В русском антропонимиконе упоминается *Сандырь* кн. Иван Дмитриевич Щетинин, начало XVI в. [Веселовский 1974: 279]. Гипокористика *Сандр* от *Александр* засвидетельствована в русской антропонимии [СРЛИ 1995: 36], причем в живом произношении, как правило, развивается эпентеза между конечными согласными (*Сандыр*¹³, *Сандор* и т.п.). Вполне вероятно, однако, что часть топонимов с этой основой восходит уже к именнику волжских финнов, ср. марийск. *Сандыр* < *Александр* [Черных 1995: 396].

Название ярославской деревни *Биберево* относится к "темным", но имеет такие соответствия в топонимии, как ойконим *Биберево* в Ивановской области (близ города Иваново) и в Краснохолмском районе Тверской, названия деревни *Биберево* в окрестностях города Западная Двина в Тверской области и поля *Биберево* в Устюженском районе Вологодской [ТЭ УрГУ], ср. еще фамилию *Бибырин* [Веселовский 1974: 38]. Другое "темное" название – покос *Шошуриха* также находит соответствия в топонимии: деревня *Шошурово* близ Сольвычегодска, лес *Шошура* в Усть-Кубинском районе Вологодской области, поле *Шошурово* в Вельском районе Архангельской [ТЭ УрГУ]. В свете этих данных говорить о какой-либо "озерности" топонимов *Биберево* и *Шошуриха* не приходится.

Особого внимания заслуживают названия нескольких деревень, расположенных близ берегов озера Неро (*Нажеровка*, *Козарка*, *Кустерь*, *Чучеры*). Дело в том, что А. Альквист, используя "Карту реконструкции береговой линии оз. Неро", составленную В.А. Низовцевым [Альквист 2000а: 19], пытается показать взаимосвязь этих ойконимов с ауслатом *Vp(V)* и предполагаемых береговых линий мелких озер в период максимальной трансгрессии Неро. Сам по себе такой прием эффективен, но он требует достаточно критичного взгляда на "показания" реалий, а также учета языковых данных. Если *Нажеровка* и *Чучеры* находятся поблизости от реконструируемых мелких озер, хотя и не на их берегах, то *Козарка* и особенно *Кустерь* настолько удалены от них, что даже не попали на карту (см.). Существеннее, однако, лингвистическая сторона. Название деревни *Нажеровка* [Альквист 2000а: 21] имеет точные

¹² А. Альквист приводит и форму *Шаборново*, но в доступных нам источниках только *Шабурново*, как и у М.И. Смирнова [Смирнов 1929: 82].

¹³ В детские годы соседские ребята так называли и автора статьи.

соответствия в двух ойконимах *Нажеро*, относящихся к Ивановской и Костромской областям (в обоих случаях озер нет). Эти ойконимы, видимо, восходят к какому-то нерусскому имени, что в топонимии ИМЗ и РС встречается очень часто, ср. например, марийское личное имя *Назера* "Цветущая", "Красивая" [Черных 1995: 295]. Название деревни *Козарка* (в источниках также *Казарка*) может получить разные объяснения, особенно учитывая колебание *о ~ а* в первом слоге, но особенно популярны в русской антропонимии и топонимии наименования, связанные с этнонимом *козарин*, *козаре* "хозары" [ЭСРЯ, II: 278], который через стадию коллективных и индивидуальных прозвищ внедрился в русскую ономастику. Фамилии *Козарин*, *Казарин*, *Козаринов*, *Казаринов* (см. [Унбегаун 1989: 109, 114]), топонимы *Козарино*, *Козариново*, *Козариха*, *Казары*, *Казарино*, *Казарка*, *Казаркина* и т.п. очень распространены. Исключить этот вариант происхождения ойконима *Козарка* невозможно. Параллелями к ойкониму *Кустерь* [Альквист 2000а: 22] являются название болота *Кустарь* в Белозерском районе Вологодской области и имена ростовского крестьянина *Кустерь* и новгородского крестьянина *Василий Куст* [Веселовский 1974: 274]. Трудно сказать, антропоним *Кустерь* предшествует топониму или топоним антропониму, но и в этом случае вряд ли удастся доказать, что ойконим восходит к субстратному лимнониму.

Особенно интересно название бывшей деревни *Чучеры*, около которой реконструируется мелкое озеро в период максимальной трансгрессии [Альквист 2000а: 22]. Однако и это весьма соблазнительное предположение приходится отклонить, поскольку есть одноименное село *Чучеры* в Великоустюгском районе Вологодской области, где нет никакого озера. Очень вероятно, что здесь не субстратная основа, которая выступает в *Чучебала* (см. об этом названии [Матвеев 1996: 7]), а русское диалектное *чучь* – "легендарное древнее племя, чудь" [ТЭ УрГУ] или *чуча* [Агеева 1970: 198–199], которое сохранилось и в названии деревни *Чучи* Кировской области. Ср. также: *Чуча*, новгородский крестьянин [Веселовский 1974: 358], *Чучин* – фамилия в Пошехонском районе Ярославской области [ТЭ УрГУ], *Чучино*, пустошь [Смирнов 1929: 90]. Ойконим *Чучеры* может рассматриваться как усилительная экспрессивная форма, ср. *Балдара* – усилительное к прозвищу *Балда* [Поротников 1970: 50], ср. еще "темное" слово *шушера* "хлам, старье", "шваль, сброд", "дрянной человек" [ЭСРЯ, IV: 493], возможно, имеющее какое-то отношение к *чучера*. В топонимии закреплено множественное число *Чучеры* (ср. в вологодской ойконимии *Задние Чуди*, *Средние Чуди* и т.п.), обычное для топонимов, возникших из коллективных прозвищ, в том числе и образованных на основе этнонимов (ср. распространенные названия деревень *Болгары*, *Мещеры*, *Татары*, а также наименования жителей какой-нибудь территории *вокшеры*, *кокшары* и т.п.). Воздействие моделей этих наименований на форму коллективного прозвища, которое затем стало ойконимом, также очень вероятно.

Результаты сопоставления географических и языковых характеристик субстратных названий ИМЗ и предположительно субстратных лимнонимов представлены в таблице.

Таблица свидетельствует о принципиальных различиях языковых и географических характеристик субстратных и субсубстратных (?) названий. Эти различия указывают, во-первых, на неадекватность доказательной базы наличия субсубстрата (?) (пункты 3, 4, 7, 8), а во-вторых, на такую противопоставленность субстрата и субсубстрата (?), которая необычна для топонимической стратиграфии (пункты 2, 5, 6) и в значительной степени может быть объяснена с помощью данных русского языка (пункты 5, 6). Все это позволяет усомниться в существовании субсубстратного лимнонимического ареала $Vp(V)$ в зоне центральной мери.

Возникает вопрос, существуют ли вообще лимнонимы на $Vp(V)$ в ИМЗ, и, если они есть, то могут ли считаться субсубстратными. Оказывается, такие наименования имеются, но, за исключением *Шагара* [Альквист 2000а: 21], их нет среди тех, которые

1. Стратиграфический пласт	Субстрат	Субсубстрат (?)
2. Основа и формант со значением "озеро"	основы <i>яхр</i> , <i>юхр</i> , формант (<i>V</i>) <i>xp(V)</i>	основа не засвидетельствована, формант <i>Vp(V)</i>
3. Виды обозначаемых объектов в настоящее время	реки с озерами, озера	преимущественно населенные пункты, а также болота и угодья
4. Виды объектов, предполагаемых в прошлом	реки с озерами, озера	озера
5. Русская словообразовательная аффиксация, включая притяжательные аффиксы	очень редко	очень часто
6. Этимологизация названий на основе русского языка	исключена	во многих случаях
7. Наличие лимнонимического ареала	четкие лимнонимические ареалы	нет оснований для выделения ареала
8. Наличие коррелятивных ареалов	выявлены	о других субсубстратных типах данных нет

приводит А. Альквист. Это обозначения ныне существующих озер: *Бисерово*, *Васкерово*, *Каиро*, *Кендур*, *Кишара* (*Кщара*), *Мстёра*, *Нетчерское*, *Питкер*, *Унаур*, *Шагара*, *Шуморское* (*Шумерское*). Большинство из них относится к пойме нижней и средней Клязьмы. Автор не без сомнения включил в этот перечень *Бисерово* и *Васкерово*, поскольку они содержат притяжательные аффиксы. Не учтены были лимнонимы *Катурки* и *Кусторка*, связанные с северной периферией ареала *Vpk(V)*, расположенного южнее, и имеющие формант, родственный мордовскому *эрьке* "озеро".

Зона распространения лимнонимов на *Vp(V)* находится значительно южнее озера Неро, название которого, таким образом, нельзя объединять с этими наименованиями. В то же время клязьминские лимнонимы на *Vp(V)* оказываются в пределах ареалов топонимов с формантом (*V*)*xp(V)* и основами *яхр* и *юхр*. Допуская, что формант *Vp(V)* имеет значение "озеро", можно было бы предположить, что в пойме Клязьмы эти названия являются субсубстратными, но ввиду их малочисленности, рассредоточенности, структурной разнородности и, наконец, отсутствия каких-либо других данных о предполагаемом субсубстрате, вероятнее видеть в них частью результат русского освоения лимнонимов на (*V*)*xp(V)* или на *кор*, *кур* (*Васкерово*, *Питкер*), частью периферийные названия более южного ареала топонимов на *ур* (*Кендур*, *Унаур*), частью какой-то адстрат, хронологическое соотношение которого с мерянскими топонимами пока не установлено. Эта пестрая картина типична для пограничных зон, куда легко проникают различные чужеродные элементы и где происходит интенсивное языковое взаимодействие, разрушающее традиционные топонимические системы. В старину Клязьма была, по-видимому, одним из таких рубежей. Есть некоторые основания выделять в предполагаемом адстрате элементы, близкие к прибалтийско-финским (ср. *Васкерово* – фин. *vaski* "медь", *Мстёра* – фин. *tusta* "черный", *Питкер* – фин. *pitkä* "длинный"), но данных мало и предлагаемые этимологии, кроме *Мстёра*, ненадежны (ср. выше о *Васкерово* и *Питкер*).

Поскольку все анализируемые лимнонимы по происхождению связаны с финскими языками, а форманты в конечном счете восходят к одному источнику (как и фин. *järvi*. саам. *jaw're* "озеро" и т.п.), возникает вопрос о соотношении (*V*)*xp(V)* и *Vp(V)*, тем более что А. Альквист считает *Vp(V)* более древним формантом [Альквист 2000а: 30].

Вопрос о происхождении и истории слова со значением "озеро" в финских языках достаточно сложен, и здесь нецелесообразно обсуждать его в полном объеме, поскольку в связи с мерянской проблемой нас интересует только возможность возникновения слов типа марийских *jär, jer* из **jaxr (jäxr)*, но не наоборот [Матвеев 1996: 13; 1998: 96]. Заметим, что и А.И. Попов рассматривает форму *ягр* как безусловно более древнюю по сравнению с *ер, яр* [Попов 1974: 19]. Теоретически можно представить, что субсубстратные топонимы с формантом *Vp(V)* предшествуют субстратным с *(V)xp(V)*. Но с точки зрения типологии фонетических изменений формант *(V)xp(V)* представляется более архаичным (подробнее ниже), и это не согласуется с тем, что названия на *(V)xp(V)* считаются субстратными, а на *Vp(V)* субсубстратными. Это несоответствие приводит в конце концов к тому, что основа *яxr* и формант *(V)xp(V)*, несмотря на их безусловно субстратный характер и регулярную связь с реалиями, считаются не мерянскими, а только типичными для мерянской территории и мерянского времени, как если бы у мерян, "народа больших озер" согласно А. Альквист¹⁴, кроме якобы заимствованного субсубстратного **ner(o)*, было еще какое-то неизвестное нам обозначение озера? Тогда какое? И кому принадлежало слово **jaxr (jäxr)* "озеро"?

Что касается возможности фонетического развития **jaxr (jäxr) > jär, jer* или наоборот *jär, jer > *jaxr (jäxr)*, то появление между гласным и вибрантом *r* заднеязычного эпентетического звука, если и встречается в каких-либо языках, то редко, тогда как утрата затвора заднеязычным смычным с последующим ослаблением и исчезновением спиранта – фреквенталия, известная во многих языках мира [Серебрянников 1974: 91, 139, 152–154].

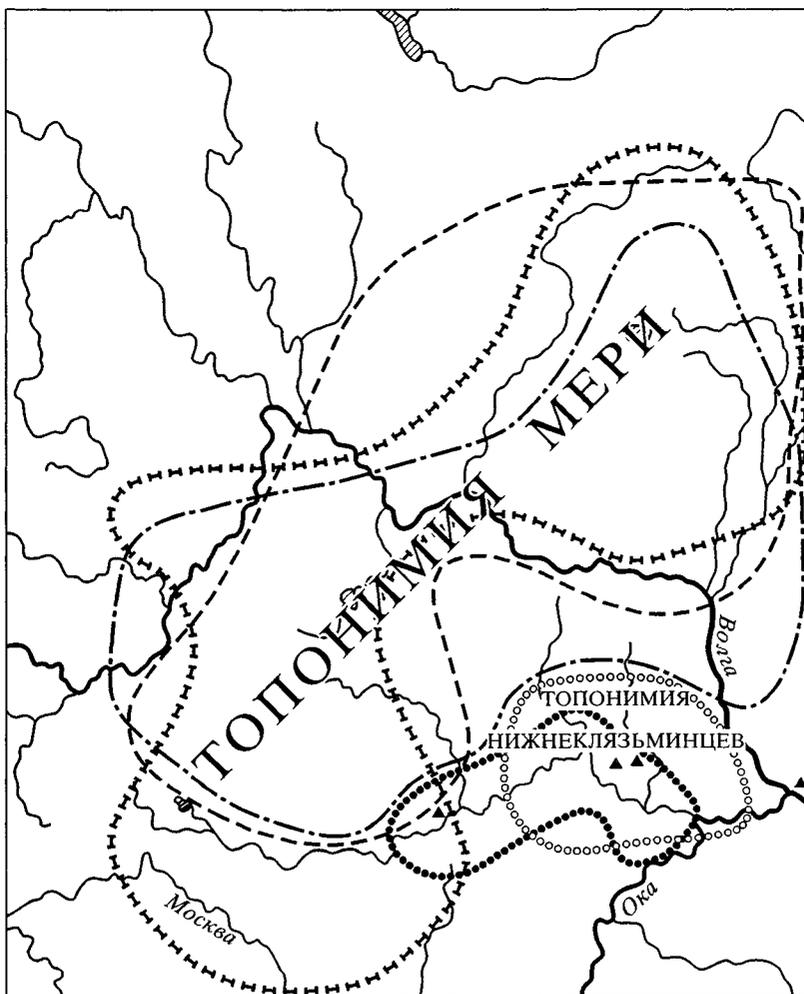
Наиболее древнее исходное состояние этого корня отражено в субстратной топонимии РС в форманте *ягр > V₂pV* и основе *ягр*, более позднее на РС в основе *явр*, а в ИМЗ в виде форманта *(V)xp(V)* и основы *яxr*, завершающая стадия, возможно, в марийском *йär, йер* и мордовском *эрьке*, где *ке* – уменьшительный суффикс [Матвеев 1965б; 1980; 1996]. Это объяснение позволяет понять механизм возникновения не только марийских и мордовских форм, но и загадочных лимнонимов с формантом *ур* на смежных с ИМЗ более южных территориях, поскольку вполне можно допустить развитие того же процесса утраты спиранта и в названиях с исходным **juxr (jüxr)* (см. 4).

6. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Исследователь субстратной топонимии лишен той семантической опоры, которую имеет контактолог, изучающий лексические заимствования [Матвеев 1965а: 3–5]. Это многократно увеличивает трудности этимологизации. Отсюда постоянная цель – поиск регулярностей, а надежное средство на доэтимологическом этапе – лингвистическое картографирование, недооценка которого лишает ориентиров, позволяющих упорядочить кажущийся хаос и, напротив, подготавливает почву для появления различного рода конструкторов в соответствии с постулатом, что методы "должны гибко приспособляться к каждому конкретному случаю" [Альквист 2000а: 17].

Исследователь субстрата имеет дело с двухсторонним феноменом, который возник в одном языке, а продолжает жить в другом. И если забыть об этом и увлечься только одной стороной, то в процессе поиска непременно появятся фантомы. Именно в таких случаях из тюркских по происхождению фамилий *Арцыбашев* [Баскаков 1979: 215; Унбегаун 1989: 292] и *Ижболдин* [Черных 1995: 156; Шайхулов 1983: 21] извлекаются финно-угорские субстратные форманты *баш* и *бол* [Альквист 2000а: 30–31], из названия деревни *Пестерюгино*, истоки которого в русском диалектном *пестерюга* "заплетная корзина" [СРНГ, 26: 313] вычленяются финно-угорские субстратные

¹⁴ Название одной из статей А. Альквист "Merjalaiset – suurten järvien kansaa" (Virittäjä. 1998. № 1) переводится "Меряне – народ больших озер".

Карта 4. Топонимические ареалы на территории ИМЗ (сводная карта).

- — — — — Этнотопонимы, производные от *меря*.
- — — — — Топонимы с основной *яхр*.
- — — — — Ойконимы на *бал*, *бол*.
- ○ ○ ○ Гидронимы на *Vх*.
- ● ● ● Гидронимы с формантом (*V*)*хр*(*V*) в нижнем и среднем течении Клязьмы.
- ▲ Лимнонимы с основной *юхр*.

детерминанты *ер* "озеро" и *юга* "река" [Альквист 2000а: 27], а название жителей Вологды *вологжане* выводится из субстратного **Волокиша* [Альквист 2000а: 31].

Между тем верификация и картографирование топонимии ИМЗ с последующим сопоставлением ареалов и их интерпретацией дают возможность получить хотя и ограниченные, но надежные результаты.

Топонимические данные позволяют членить территорию, именуемую в настоящее время ИМЗ, на две субстратные зоны (см. карту 4): большую, которую и следует называть *мерянскою* (или ИМЗ), охватывающую юго-запад, северо-запад, северо-восток региона, и меньшую на юго-востоке, условно *нижнеклязьминскую*, где обитали носители одного из неизвестных финно-угорских языков Волго-Окского междуречья. Для топонимии мерянской зоны, дорусский слой которой обра-

зует мерянский субстрат, характерны топонимические лексемы *яхр* "озеро" и *бал* (*бол*) "селение", которые без всякого сомнения должны рассматриваться как мерянские. В русской топонимии мерянской зоны часто встречаются этнотопонимы, образованные от *меря*. Топонимия нижнеклязьминской зоны характеризуется отсутствием этнотопонимов производных от *меря*, субстратных гидронимов с основой *яхр* и ойконимов на *бал* (*бол*). Для нее типичны названия рек на *Vx* и употребление лексемы *юхр* "озеро". Формант (*V*)*xр*(*V*) гетерогенен: в нижнеклязьминской зоне он высокочастотен и восходит к *юхр*, в мерянской редок и связан с *яхр*.

Названия с исходом на *Vp*(*V*) в своем большинстве не имеют отношения к лимнонимам. Ареал *Vp*(*V*) в зоне центральной мери – фикция, а лимнонимы на *Vp*(*V*) в бассейне Клязьмы, по-видимому, восходят к разным источникам. Нет никаких оснований для того, чтобы считать названия на *Vp*(*V*) в зоне центральной мери домерянским субстратом (субсубстратом), хотя нет и причин для того, чтобы вообще отвергнуть предположение о существовании домерянского субстрата, поиск которого должен продолжаться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агеева Р.А.* 1970 – Об этнониме *чудь* (*чухна*, *чухарь*) // Этнонимы. М., 1970.
- Акты 1952 – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. Т. I. М., 1952.
- Акты 1964 – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. Т. III. М., 1964.
- Альквист А.* 1997 – Мерянская проблема на фоне многослойности топонимии // ВЯ. 1997. № 6.
- Альквист А.* 2000а – Меряне, не меряне... (I) // ВЯ. 2000. № 2.
- Альквист А.* 2000б – Меряне, не меряне... (II) // ВЯ. 2000. № 3.
- Баскаков Н.А.* 1979 – Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979.
- Веселовский С.Б.* 1974 – Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.
- Галкин И.С.* 1966 – Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. II. Йошкар-Ола, 1966.
- Голубева Л.А.* 1987 – Меря. Муром // Финно-угры и балты в эпоху Средневековья / Археология СССР. М., 1987.
- Грузов Л.П.* 1969 – Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика. Йошкар-Ола, 1969.
- Даль В.И.* 1955 – Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1955.
- Кузнецов С.К.* 1910 – Русская историческая география. Вып. I. М., 1910.
- Кусов В.С.* 1993 – Чертежи Земли Русской. XVI–XVII вв. М., 1993.
- Лыткин В.И.* 1957 – Историческая грамматика коми языка. Введение. Фонетика. Сыктывкар, 1957.
- Матвеев А.К.* 1959 – Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала // Уч. зап. Уральского гос. ун-та. Вып. 32. Языкознание. Свердловск, 1959.
- Матвеев А.К.* 1960 – Историко-этимологические разыскания // Уч. зап. Уральского гос. ун-та. Вып. 36. Языкознание. Свердловск, 1960.
- Матвеев А.К.* 1965а – Некоторые вопросы лингвистического анализа субстратной топонимии // ВЯ. 1965. № 6.
- Матвеев А.К.* 1965б – Топонимические элементы *явр*, *ягр*, *яхр* (озеро) на Русском Севере (к вопросу об использовании данных физической географии в топонимических исследованиях) // Изв. АН СССР. Серия географическая. 1965. № 6.
- Матвеев А.К.* 1978 – Топонимические этимологии. XI. (Названия озеро Неро) // СФУ. 1978. XIV.
- Матвеев А.К.* 1980 – К интерпретации звукового соответствия *гр* (*xр*) – *вр* в субстратной топонимии русского Севера // Лексика и фразеология севернорусских говоров. Вологда, 1980.
- Матвеев А.К.* 1996 – Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема // ВЯ. 1996. № 1.

- Митеев А.К. 1998 – Мерянская топонимия на Русском Севере – фантом или феномен? // ВЯ. 1998. № 5.
- Музраев Э.М. 1984 – Словарь народных географических терминов. М., 1984.
- Никонов В.А. 1960 – Неизвестные языки Поочья // ВЯ. 1960. № 5.
- Никонов В.А. 1993 – Словарь русских фамилий. М., 1993.
- ОС 1974 – Обратный словарь русского языка. М., 1974.
- Петровский Н.А. 1966 – Словарь русских личных имен. М., 1966.
- Попов А.И. 1948 – Топонимика Белозерского края // Уч. зап. ЛГУ. № 105. Серия востоковедческих наук. Вып. 2. Советское финно-угроведение. Л., 1948.
- Попов А.И. 1965 – Географические названия (введение в топонимику). М.; Л., 1965.
- Попов А.И. 1974 – Топонимика древних мерянских и муромских областей // Географическая среда и географические названия. Сборник статей. Л., 1974.
- Поротников П.Т. 1970 – Семантическая и грамматическая классификация прозвищ говоров Талицкого района Свердловской области // Вопросы топонимастики. № 4. Уч. зап. Уральского гос. ун-та. № 90. Серия филологическая. Вып. 13. Свердловск, 1970.
- Поспелов Е.М. 1967 – Субстратная топонимика волго-окского междуречья // Материалы Московского филиала Географического общества СССР. Топонимика. Вып. 1. М., 1967.
- Седов В.В. 1974 – Гидронимические пласты и археологические культуры Центра // Вопросы географии. Сб. 94. Топонимия Центральной России. М., 1974.
- Серебрянников Б.А. 1963 – Историческая морфология пермских языков. М., 1963.
- Серебрянников Б.А. 1974 – Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
- Смирнов М.И. 1911 – Переславль-Залесский. Его прошлое и настоящее. М., 1911.
- Смирнов М.И. 1929 – Историко-географическая номенклатура Переславль-Залесского края (Материалы для ее изучения) // Труды Переславль-Залесского историко-художественного и краеведческого музея. Вып. XI. Переславль-Залесский. 1929.
- Смолицкая Г.П. 1973 – Субстратная гидронимия бассейна р. Оки // Ономастика Поволжья. 3. Материалы III конференции по ономастике Поволжья. Уфа, 1973.
- Смолицкая Г.П. 1974 – Картографирование гидронимии Поочья // Вопросы географии. Сб. 94. Топонимия Центральной России. М., 1974.
- Смолицкая Г.П. 1976 – Гидронимия бассейна Оки (Список рек и озер). М., 1976.
- Смолицкая Г.П. 1987 – Об одном этническом аспекте топонимики // Этническая топонимика. М., 1987.
- СРЛИ 1995 – А.Н. Тихонов, Л.З. Бояринова, А.Г. Рыжова. Словарь русских личных имен. М., 1995.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1. М.; Л., 1965.
- СФ 1997 – Е. Грушко, Ю. Медведев. Словарь фамилий. Нижний Новгород, 1997.
- Ткаченко О.Б. 1985 – Мерянский язык. Киев, 1985.
- ТЭ УрГУ – Картотека Топонимической экспедиции Уральского государственного университета.
- Унбегаун Б.О. 1989 – Русские фамилии. М., 1989.
- Федосюк Ю. 1996 – Русские фамилии. М., 1996.
- Черных С.Я. 1995 – Словарь марийских личных имен. Йошкар-Ола, 1995.
- Шайхулов А.Г. 1983 – Татарские и башкирские личные имена тюркского происхождения. Уфа, 1983.
- ЭСРЯ 1996 – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1996.
- Ahqvist A. 1998 – Merjalaiset – suurten järvien kansaa // Virittäjä. 1998. № 1.
- Kalima J. 1919 – Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen // MSFOu., XLIV. Helsinki, 1919.
- Lehtisalo T. 1936 – Über die primären uralischen Ableitungssuffixe // MSFOu., LXXII. Helsinki, 1936.
- Vasmer M. 1935 – Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. III. Merja und Tscheremissen // SPAW. Phil.-hist. Klasse. Bd. XIX. Berlin, 1935.